

АЛЕКСЕЙ ВЕКШИН

ТРОФЕИ МЁРТВЫХ АРМИЙ

Алексей Векшин

Трофеи мертвых армий

«Автор»

2026

Векшин А.

Трофеи мертвых армий / А. Векшин — «Автор», 2026

Попав в чужой мир, инструктор Глеб становится добытчиком магических трофеев. Его спасают опыт, осторожность и товарищи. Но наследство погибших армий способно начать новую войну — и очередной заказ требует решить, кому можно доверить оружие.

© Векшин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приказ не отменён	5
Глава 2. Ржавый компас	10
Глава 3. Цена спасения	16
Глава 4. Первый контракт	21
Глава 5. Добыча новичка	27
Глава 6. Лучшие охотники Равена	33
Глава 7. Большая добыча	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Векшин

Трофеи мертвых армий

Глава 1. Приказ не отменён

Когда Антон в третий раз сказал, что с ним всё нормально, Глеб снял рюкзак.

— Отлично. Тогда постой нормально вот здесь.

Он показал на каменный выступ, прикрытый от ветра. Антон послушно втиснулся в щель и прижал локти к бокам. Правая рука у него тряслась: он слишком долго держался за обледенелый трос, пытаясь скрыть, что перестал чувствовать пальцы.

Снизу поднимался туман. Ещё полчаса назад Глеб видел рыжую куртку второго инструктора далеко на седловине, теперь различал только три ближайших метра скалы. Мокрый снег забивался под воротник, таял и стекал между лопатками. Выход, который утром обещал быть приятным завершением недельного курса, успел превратиться в работу.

Глеб достал запасные варежки.

— Надевай. Свои потом высушишь.

— Я испортил всем день?

— Пока только варежки. День ещё поборется.

Антон попробовал улыбнуться. Получилось плохо, но хотя бы перестал объяснять, что может идти без помощи.

Глеб нажал кнопку радиации, прикрывая микрофон ладонью. Саша ответил после второго вызова. Группу он уже отвёл на нижнюю площадку; там ветер был слабее, до тропы оставался короткий спуск.

— Мы сейчас к вам. Прими Антона первым, он подмёрз.

— Принял. Верх снимаешь?

Глеб посмотрел вдоль троса. Две его стропы ещё оставались на выступе выше. Красная была совсем новой, с пришитой белой биркой. Он купил её на прошлой неделе после долгого разговора с продавцом, который уверял, что для такого цвета грязь не существует.

— Заберу, когда спущу человека.

— Если развезёт, бросай.

— Понял.

Он действительно понял. Снаряжение можно было оставить, а потом записать в расходы. Только сейчас до него было двадцать шагов, и верхний участок ещё просматривался. Глеб решил, что успеет.

Антон двигался медленно, зато выполнял всё, что ему говорили. На последнем уступе попытался помочь и едва не наступил Глебу на кисть. Глеб убрал руку, придержал его за пояс и отправил вниз, к появившемуся из тумана Саше.

— Чай сначала, подвиги потом, — сказал он.

Саша принял Антона и кивнул Глебу. Внизу кто-то спросил, долго ли ещё до машины. Голос прозвучал так обычно, что Глеб на мгновение ощутил злость: люди стояли в горах под снегом и по-прежнему считали, что трудности обязаны закончиться по расписанию.

Он вернулся к верхнему выступу.

Первую стропу снял быстро. Вторая вмерзла под тонкую корку льда. Глеб опустился на колено, освободил крепление и потянул ткань на себя. Лёд треснул широкой белой полосой, уходящей под снег справа от его ботинка.

Он отдёргнул руку.

Склон сдвинулся раньше, чем Глеб успел подняться. Под ногами вдруг не стало твёрдого места. Обломок карниза ушёл вниз вместе с ним, а верёвка, которую он только что собрал, хлестнула по коленям.

Глеб ударился плечом, потерял ледоруб и скользнул в щель между скалой и оторвавшимся снегом. В первую секунду он ещё пытался найти опору. Во вторую понял, что падает.

Вместо удара снизу пришёл тёплый воздух.

Он пах пылью и горелой шерстью.

Глеб покатился по камням, остановился на спине и несколько раз вдохнул с таким усилием, словно кто-то затянул ремень у него на груди. Над ним было бледное небо. По нему двигались длинные редкие облака. Снег исчез.

Он лежал на сухом склоне среди мелкого щебня.

Глеб приподнялся на локте. Левое плечо отозвалось болью, но рука слушалась. На колене брюки были порваны; под тканью проступала кровь. Он оглянулся в поисках щели, из которой выпал, и увидел каменную стену.

Стена поднималась над склоном, неровная, с проломом возле основания. Выше стояла квадратная башня. Одного её угла не хватало, и там висела деревянная балка, удерживаемая ржавой цепью. Всё выглядело старым, давно брошенным — кроме узкой полосы синего света, проходившей между нижними камнями.

Глеб с трудом сел.

— Саша.

Ответа не было. Он нашёл рацию на лямке, нажал кнопку, вызвал ещё раз. Индикатор светился, из динамика шёл тихий треск.

Глеб посмотрел на часы. Цифры были на месте. Он помнил, как возвращался за стропой, как треснул лёд. Боль в плече мешала сосредоточиться, но он мог назвать своё имя, возраст и последний город, в котором ночевал.

Осталось объяснить крепость.

Он поднял голову. За стеной раздался гулкий протяжный звук — будто кто-то дул в огромную медную трубу. Глеб вздрогнул. Звук повторился, ниже и короче.

В проломе появился человек.

На нём был шлем с узкими прорезями и длинная одежда из металлических пластин. В руках он держал копье. Следом вышел второй, третий; Глеб насчитал восемь, прежде чем перестал считать.

Первой мыслью были съёмки. Кто-то строил декорации в долине, а он провалился с верхнего склона, потерял сознание и не помнил, как оказался здесь. Это ничего не объясняло, но хотя бы состояло из вещей, которые существовали.

Он поднял руку.

— Эй! Мне нужна помощь!

Ближайший солдат повернул голову.

Глеб увидел склон сквозь его шею.

Прозрачной была узкая полоска между шлемом и воротом. В ней различался бурый камень с белым лишайником. Потом солдат шагнул, и полоса сдвинулась вместе с ним.

Глеб опустил руку.

Все восемь одновременно развернулись к нему. Наконечники копий наклонились. Не было ни команды, ни удивления, ни попытки разобраться, почему возле стены лежит мужчина в мокрой куртке.

Он встал слишком резко, и колено подломилось. Глеб удержался, подхватил моток верёвки и двинулся вниз по склону, стараясь не поворачиваться к солдатам спиной. Те шли за ним ровным строем. Подошвы касались щебня, но камни оставались на месте.

Глеб прибавил шаг.

Слева лежала разрушенная дорога. Несколько плоских камней ещё держались рядом, остальные вывернуло из земли. За дорогой торчали обломки колонн и остатки круглого здания. Дальше долина уходила к лесу; над деревьями поднимались горы, совсем не похожие на те, где он был минуту назад.

Справа можно было укрыться между двумя валунами. Глеб свернул к ним, и солдаты сразу изменили направление. Строй остался ровным, хотя склон был весь в ямах.

Рюкзак цеплялся за камни. Глеб протиснулся в проход, обернулся и увидел, как первый наконечник вошёл в щель.

Он отшатнулся. Копьё ударило по валуну возле его лица. Камень лопнул, осколок рассёк щёку.

Глеб больше не пытался придумать объяснение.

Он выбрался с другой стороны, пригнулся и побежал вдоль стены. Впереди был широкий желоб, вымытый старыми дождями. В нём можно было уйти из поля зрения, если успеть до того, как преследователи обойдут валуны.

Из долины донёсся топот.

По дороге двигались всадники. Их было много: сначала Глеб увидел передний ряд, потом следующий, потом ещё. Сквозь лошадиные ноги просвечивали камни мостовой. Над шлемами дрожали длинные светлые полосы, похожие на выгоревшие перья.

Всадники поднимались к крепости.

На башне раскрылось что-то чёрное, напоминающее пасть. Глеб успел заметить внутри круг синего света. Круг стал белым.

Он бросился в желоб.

Удар прошёл над головой, и рядом с дорогой вздулось облако каменной пыли. Земля толкнула его в грудь. Несколько секунд он ничего не слышал, кроме тонкого звона. Потом проступили топот, металлический грохот и снова тот протяжный рог.

Глеб лежал лицом вниз. Щека прижималась к горячему камню.

Солдат, который преследовал его, прошёл по краю желоба. Из этого положения Глеб видел нижнюю часть копья и полупрозрачные ботинки. Потом рядом появилась другая пара. Солдаты стояли над ним, но смотрели к дороге.

Глеб не двигался.

Всадники столкнулись с пехотой возле валунов. Сверху упала обломанная пика, ударилась о землю в двух шагах от его головы и рассыпалась синими искрами. За ней покатился настоящий камень.

Глеб прикрыл затылок руками.

Камень остановился у ботинка. Он был тяжёлым, тёплым и совершенно обычным. Пика исчезла, камень остался. Глеб поймал себя на том, что запоминает эту разницу, хотя сейчас от неё не было никакой пользы.

Над желобом звякнуло железо. Один из солдат отступил, попав каблуком на край, но не упал: его нога на мгновение ушла в землю, а затем снова поднялась. Глеб почувствовал, как по спине пробежал холод. У него такой возможности не было.

Он пополз вниз, в сторону каменной арки. Между стеной и дорогой оставался узкий проход. Если битва шла за крепость, там могли никого не поставить.

Верёвка волочилась следом. Снятая красная стропа выскользнула из-под клапана рюкзака и зацепилась за металлическую пластину в земле. Глеб потянул её, ткань натянулась. Он подался назад, освободил петлю и поднял пластину вместе с ней.

Это оказался знак размером с ладонь, на короткой цепочке. На одной стороне были три углубления, на другой — перекрещенные полосы. Край поцарапал перчатку. Глеб машинально сунул знак в боковой карман куртки: не хотелось снова цепляться за него на обратном пути, если придётся вернуться.

Он уже полз дальше, когда в кармане что-то потеплело.

У арки стоял человек с широким щитом. Через его грудь проступал свет. Глеб остановился, но тот не повернулся. Щит был направлен к дороге, откуда шла конница.

Глеб отступил к стене. Наверху, метрах в пяти, тянулась неровная полка. Ниже из кладки выступали большие камни. Это было знакомое: высота, опоры, непонятная прочность. Лучше, чем копьё.

Он проверил ближайший выступ рукой. Камень не шевельнулся. Следующий был хуже — мелкий обломок остался в перчатке. Глеб стряхнул его, нашёл другое место и полез.

Мокрые ботинки скользили. Пришлось снять один карабин с петли, чтобы не цеплять им кладку. Плечо болело всякий раз, когда он поднимал левую руку. Он держал вес ближе к стене, медленно перенося его с ноги на ногу.

Внизу хрустнул щебень.

Глеб посмотрел через плечо. Солдат со щитом развернулся и стоял под ним. За спиной у того появились двое копеечников.

Из бокового кармана куртки пробивался свет.

Глеб прижался грудью к камню. Теперь он понял, что произошло, но вытаскивать знак было нечем: обе руки держали его на стене.

Первое копьё ударило ниже ботинка. Глеб подтянулся, вдавил колено в трещину и ухватился за край полки. Камень под ладонью качнулся.

Он отпустил его раньше, чем тот оторвался. Обломок полетел вниз и ударил в щит. Звук получился глухим, будто железо было обтянуто толстой кожей.

Второе копьё прошло рядом с бедром.

Глеб выругался без слов, одним выдохом, и сместился вправо. На полке торчал обломок балки. Вокруг него оставалось достаточно кладки, чтобы ухватиться. Он подтянулся, закинул локоть и, не разбирая, что болит сильнее, вытащил себя наверх.

Лёг на живот.

Снизу в камень ударили ещё раз. Полка дрогнула. Он отполз к стене и наконец вытащил знак.

В углублениях горели три светлые точки. Они гасли и загорались по очереди. При каждом повторе Глеб ощущал лёгкое покалывание в пальцах.

Он поднял руку, собираясь бросить знак вниз, и остановился. Солдаты ждали прямо под ним. Если они шли на эту вещь, стоило кинуть её подальше, к дороге. Но с такого положения он мог попасть только в камень у подножия стены.

С другой стороны полки раздался голос.

Глеб резко обернулся.

В узкой бойнице стояла женщина. Лицо у неё было загорелое, возле брови белел старый рубец. На плечах лежала тёмная ткань, в руках она держала короткое оружие с толстым металлическим корпусом. Глеб не мог понять, арбалет это или что-то другое.

Женщина сказала несколько слов.

Он узнал только интонацию. Так разговаривали с человеком, который сделал глупость и ещё не понял, насколько серьёзную.

— Я не понимаю, — сказал Глеб. — Мне нужно вниз. Или внутрь. Куда-нибудь.

Она посмотрела на его мокрую куртку, на рюкзак, на верёвку. Потом увидела знак и резко подняла оружие.

Глеб замер.

За женщиной появился молодой мужчина с лёгким щитом. Он что-то сказал, протянул руку к бойнице, но женщина отодвинула его плечом. Не сводя глаз со знака, она заговорила снова — медленнее, жёстче.

Глеб поднял свободную ладонь.

— Не стреляйте. Я сейчас...

Снизу протянулось копьё. Его острие показалось над полкой и скользнуло по камню возле колена.

Женщина шагнула вперёд, схватила себя за грудь и ткнула пальцем в знак. Потом отвела руку в сторону и резко раскрыла пальцы.

Выбросить.

Глеб посмотрел вниз. На склоне стояли уже не трое, а восемь солдат. Все подняли лица к полке. Битва за дорогой продолжалась, но этот отряд больше в ней не участвовал.

Знак вспыхнул у него в руке.

Женщина сорвалась на крик и снова показала: бросить. Сейчас.

Глеб замахнулся, но она ударила ладонью по краю бойницы, останавливая его. Другой рукой указала за его спину, в узкую щель между двумя участками стены.

Он повернулся.

Внизу, по другую сторону щели, поднимались новые копья.

Глебу показалось, что он уже видел эти шлемы возле валунов. Там всадники разрубили одного солдата почти пополам. Теперь на его груди не было даже следа удара.

Женщина передёрнула металлический рычаг на оружии.

Светящиеся точки на знаке сошлись в одну.

Она выкрикнула одно короткое слово, и Глеб наконец понял её без перевода: если он ещё секунду будет выбирать, куда бросить находку, выбирать больше не придётся.

Глава 2. Ржавый компас

Глеб бросил знак в щель.

Цепочка зацепилась за выступ, звякнула и оборвалась. Металл исчез внизу. На мгновение свет погас, потом из щели потянулось синее сияние.

Солдаты под полкой повернулись одновременно. Их копья описали ровные дуги. Один успел ударить, прежде чем развернулся: наконечник прошёл над ногой Глеба и срезал петлю на рюкзаке.

Глеб прижал колено к груди.

Женщина убрала оружие и протянула руку через бойницу. Проём был слишком узким для рюкзака. Глеб расстегнул грудную стяжку, снял его, подтолкнул вперёд. Молодой мужчина за спиной женщины поймал лямку и потащил внутрь.

Теперь можно было пролезть.

Глеб втиснул голову и правое плечо, упёрся ладонью в камень. Куртка зацепилась за край. Женщина ухватила его за предплечье и потянула с такой силой, что он едва не вскрикнул. Левое плечо ударилось о кладку.

Он оказался на полу.

В помещении пахло старой золой и кожей. Над головой висели обугленные балки. У противоположной стены стоял крупный мужчина в потёртом панцире, опираясь на длинный топор. Четвёртая, худощавая женщина с короткими волосами, сидела на корточках возле деревянного ящика и заворачивала в ткань тонкую металлическую пластину.

Когда она подняла голову и увидела Глеба, лицо у неё изменилось.

Короткая фраза, брошенная в сторону женщины у бойницы, явно не означала «рады гостю».

Глеб сел, прижимая к груди больную руку. Молодой мужчина положил перед ним рюкзак. Посмотрел на карабины, подвигал пальцем один, но тут же убрал руку после окрика.

Женщина с оружием быстро говорила, показывая то на бойницу, то на Глеба. Худощавая отвечала. По тому, как она прижимала к себе свёрток, Глеб понял: речь шла о вещах, которые они собирались отсюда забрать, и появление постороннего ничего не облегчало.

— Спасибо, — сказал он. — Я вас не понимаю. Спасибо.

Молодой мужчина приложил ладонь к груди.

— Тир.

Глеб кивнул и назвал себя.

— Глеб.

Тир попробовал повторить, проглотил последний звук и улыбнулся. Затем указал на женщину у бойницы.

— Эда.

Она не улыбнулась. Подняла два пальца, ткнула ими в глаза, затем в Глеба. Следить за ней. Не отходить. Это он понял.

Снаружи раздался удар. В каменном потолке посыпалась пыль. Худощавая женщина резко затянула ткань на пластине, сунула свёрток в сумку и встала.

Эда сказала что-то крупному мужчине.

Тот убрал топор с плеча и подошёл к двери. Дверь была перекошенной; Глеб подумал, что её придётся выламывать. Но мужчина вынул из нагрудного кармана тусклый круглый предмет, прижал к металлической полосе над замком и повернул.

По дереву пробежали короткие белые линии.

Крупный мужчина надавил плечом. Дверь открылась.

Худошавая раздражённо выдохнула, забрала у него круглый предмет и посмотрела на него так, будто он только что расплатился за чашку чая золотыми часами.

Эда уже выходила в коридор.

Глеб поднялся. Попытался надеть рюкзак и понял, что лямку на левое плечо сейчас не затянет. Пришлось повесить его на правое, придерживая снизу. Тир взглянул на него, протянул руку, но Глеб покачал головой. Рюкзак был последней вещью, которую он узнавал в этом месте.

Коридор шёл вдоль стены. Через проломы было видно дорогу, где пехота всё ещё теснила всадников. Один конь потерял переднюю ногу, но продолжал двигаться, волоча обрубок над камнями. Через несколько шагов его тело растаяло. На дороге остался только тонкий столб синего света.

Глеб остановился.

Тир ткнул его в спину и показал вперёд.

— Да иду я.

Голос получился слишком громким. Худошавая обернулась и приложила палец к губам.

За поворотом Эда подняла кулак. Все замерли. Глеб повторил движение остальных, хотя не успел понять причину.

Поперёк коридора прошли трое солдат. Через маленькую арку они вышли на лестницу, ведущую вверх. Последний держал перед собой короткий жезл с двумя синими точками. Свет на нём был почти таким же, как на выброшенном знаке.

Эда дождалась, пока шаги стихли, и двинулась дальше.

Внизу стояла ещё одна дверь, за ней начинался крутой проход между наружной стеной и скалой. Здесь в лицо ударил ветер. Глеб вдохнул и понял, что до этого старался дышать неглубоко, будто запах крепости мог ему повредить.

Они спустились к краю старой дороги.

На этот раз настоящая земля была у всех под ногами. Щебень скрипел, подошвы сдвигали маленькие камни. Глеб смотрел на это с почти нелепым облегчением.

Тир шёл первым, выбирая путь вдоль обочины. Эда держалась за ним. Худошавая несла сумку с добычей, крупный мужчина замыкал группу. Глеб оказался в середине и старался не отставать.

Впереди показались деревья.

Он уже решил, что худшее позади, когда Тир пригнулся и отскочил от дороги.

Из-за поворота вышла конница.

Эти всадники двигались медленно, по двое. Между рядами плыли тонкие полотнища. Их нижние края проходили сквозь лошадиные крупы. Эда сразу потянула Глеба за собой к каменной канаве.

Он успел увидеть, как Тир бросился через неё на другую сторону.

Край под его ногой обломился.

Тир исчез, и почти сразу снизу донёсся удар.

Эда развернулась. Худошавая поставила сумку за валун и вытащила из рукава узкую пластину. Крупный мужчина поднял топор, но Эда резко махнула ему вниз.

Глеб подошёл к краю канавы на четвереньках.

Тир висел над тёмным провалом, держась за остаток каменной плиты. Под ним уходила в глубину трещина; дна Глеб не увидел. Правая нога разведчика стояла на маленьком выступе, левая скользила по гладкому камню.

Он пытался что-то сказать, но Эда отвечала ему слишком быстро.

Глеб снял рюкзак и вынул верёвку.

Эда схватила его за локоть. Он выдернул руку, ткнул пальцем вниз, затем показал моток. Сейчас объяснение словами всё равно ничего бы не дало.

Она отпустила.

Крупный мужчина подошёл ближе. Глеб показал, где ему встать, и вложил в руки часть верёвки. Тот посмотрел на Эду. Она кивнула.

Глеб бросил Тиру конец со стропой.

Разведчик поймал его не сразу. Первая попытка заставила его потерять опору для ноги. Глеб замер, удерживая верёвку, и дождался, пока Тир снова прижмётся к стенке. Потом медленно опустил стропу ниже, к его кисти.

Тир ухватился.

Он явно понимал, что делать с петлёй, но пытался закрепить её одной рукой. Пальцы второй белели на камне. Глеб показал на пояс разведчика, покрутил кистью, ещё раз указал на стропу.

Снизу последовал поток слов.

— Да, согласен, — сказал Глеб. — Но вариантов у тебя немного.

Тир перестал говорить и занялся петлёй.

По дороге приближались всадники. Под копытами не было пыли, зато гул становился громче. Эда прижалась к валуну, выглядывая на них. Худощавая держала узкую пластину возле виска; её рот двигался, но Глеб не слышал слов.

Тир наконец показал ладонь.

Глеб не стал тянуть его сразу. Подался назад, убрал верёвку от острого края и показал крупному мужчине, как удерживать направление. Тот понял быстрее, чем Глеб ожидал.

Вместе они приняли вес.

Тир поднялся на полметра, нашёл ногой новую опору и потянулся к краю. Камень, за который он держался, отделился от плиты. Разведчик ухнул вниз, верёвка натянулась.

Глеба дёрнуло к провалу.

Крупный мужчина удержал его за куртку и отступил, перехватывая верёвку. Левое плечо прострелило болью. Глеб стиснул зубы, опустился ниже и снова начал выбирать слабинку.

Из-за валуна ударил белый свет.

Глеб повернул голову. Эда стояла с поднятым оружием, а первый всадник распадался над дорогой. Его лошадь прошла ещё несколько шагов без седока, потом исчезла. Остальные разом развернулись к канаве.

Худощавая бросила пластину на землю.

Между камнями вспухла мутная полоса воздуха. За ней всадники стали плохо различимы, словно их закрыли грязным стеклом.

— Тир! — крикнула Эда.

Разведчик перекинул руку через край.

Глеб схватил его за ремень, крупный мужчина подтянул верёвку, и Тир вывалился на дорогу, ударив подбородком о землю. Поднялся он сразу. Вытер рот, посмотрел на кровь на ладони и что-то сказал худощавой женщине.

Та ответила так, что он больше не шутил.

Эда указала всем на деревья.

Глеб попытался собрать верёвку. Тир сам вытащил из петли металлическую застёжку. Дальний конец зажал под обломившейся плитой; Эда перерезала верёвку, пока разведчик забрасывал Глебу на плечо рюкзак. У канавы остался длинный кусок. Глеб дёрнулся за ним, но Эда встала поперёк пути.

Он увидел её лицо и остановился.

Сегодня он уже возвращался за снаряжением.

Мутная полоса за спиной лопнула с сухим треском. Они успели свернуть между деревьями, когда на дороге снова появился белый свет.

Глеб бежал, прижимая рюкзак к боку. Колено горело. Ветки хлестали по мокрой куртке, цеплялись за торчащую стропу. Через несколько десятков шагов лёгкие начали болеть, и он понял, что не выдержит такого темпа долго.

К счастью, Тир вскоре поднял руку.

Они спустились за заросшую насыпь. Там, среди корней, стоял маленький каменный дом без крыши. За его стенами никого не было. Тир обошёл дом, проверил землю с другой стороны и махнул остальным.

Крупный мужчина поставил топор у входа.

Глеб опустился на камень. Не сел — именно опустился, потому что ноги больше не держали. Попробовал снять перчатку и обнаружил, что не может разжать пальцы.

Худошавая женщина поставила сумку, подошла к нему и протянула руку.

Он подумал, что она хочет посмотреть плечо. Но она взяла его за запястье и прижала к коже холодный круглый предмет.

— Смотри на меня. Не убирай руку.

Глеб поднял голову.

Голос был чужим. Слова — русскими. Они прозвучали с едва заметным запозданием, словно поверх её настоящей речи кто-то наложил перевод.

— Ты понимаешь?

— Да.

Она посмотрела на Эду.

— Понимает.

У Глеба пересохло во рту.

— Как вы это...

— Потом. Меня зовут Мара. Если выдернешь руку, начнём сначала и потратим остаток заряда. Говори коротко.

Эда присела перед ним. Вблизи она выглядела моложе, чем показалось в крепости, но у глаз были глубокие складки. На тёмном вороте виднелось маленькое пятно крови.

— Имя?

— Глеб Ратушин.

Перевод передал её следующий вопрос странно: «Каким способом прибыл на поле?» Глеб догадался, что она спрашивает, откуда он взялся.

Он рассказал про горы, карниз, падение. Про то, что ещё меньше часа назад был снег. Мара прервала его, когда он начал объяснять, где находятся те горы.

— Названия не переводятся. Мы их не знаем.

— Мне нужно вернуться. Там люди. Они будут искать.

Эда посмотрела на его рюкзак.

— С тобой кто-нибудь ещё упал?

Глеб покачал головой. Повторил это вслух, потому что она ждала ответа. Группа была внизу, с Сашей. Он помнил это совершенно точно.

Эда выдохнула.

— Хорошо. Здесь иногда появляются вещи не с той стороны. Я никогда не видела, чтобы вместе с ними пришёл человек.

— С какой стороны?

Мара нахмурилась, повернула круглый предмет на его запястье. Глеб ощутил покалывание.

— Перевод неточный. Она говорит о разрывах пространства. О проходах, которые не должны существовать.

Глеб посмотрел на деревья над стеной. Листья были длинными, с тёмно-красной полосой посередине. Он не знал ни одного такого дерева, хотя работал в горах не первый год.

— Как называется это место?

— Внешний участок Сивого рубежа. До Равена полдня пути. Мир — Эйрдан, если тебе нужно название мира.

Мара сказала это без особого выражения. Глебу стало трудно смотреть на неё. Он опустил глаза на ладонь, которой она держала его запястье: застарелый ожог, сломанный ноготь, синий след от краски. Нормальная человеческая рука.

Эда подождала.

— Мы не знаем, как отправить тебя обратно, — сказала она наконец. — Если бы знали, я начала бы с этого.

Глеб хотел ответить, что такого быть не может. Но за домом стоял мужчина с топором, возле дороги растворялись всадники, и сама фраза дошла до него через холодный предмет, прижатый к коже.

Он достал телефон.

Экран включился. Дата осталась прежней. Связи не было. На фотографии заставки он и сестра стояли возле старого деревянного дома, держа между собой её огромного пса. Собака смазалась: в момент снимка решила слизнуть у Глеба с подбородка варенье.

Глеб выключил экран.

— Кто вы?

— Охотники за трофеями, — сказала Эда. — Отряд «Ржавый компас». И сейчас нам нужно уйти.

Он указал в сторону крепости.

— Там война?

— Там приказ. Война закончилась сто восемьдесят лет назад.

Тир, сидевший на стене, вдруг выпрямился. Свистнул негромко, приложил два пальца к глазам и указал за деревья.

Мара отпустила запястье Глеба. Перевод оборвался. Эда встала и жестом позвала его за собой.

Они поднялись на насыпь. Отсюда было видно крепость и край разрушенной дороги. Над проломом висела светлая пыль. Солдат не осталось; на склоне лежали камни, которые упали во время боя.

Эда взяла Глеба за правую руку. Мара снова прижала переводчик к коже.

— Смотри туда. На край стены.

Он посмотрел.

Сначала ничего не происходило. Потом между камнями появился тонкий синий отблеск. Он вытянулся вверх, стал шире. Рядом возник второй. Третий.

Из пролома вышли восемь солдат.

Глеб узнал шлем первого. Тот же узкий вырез, та же длинная пластина на груди. Он шёл по дороге с целым копьём. Рядом с ним двигался другой, которого Глеб видел под полкой.

Над башней качнулась ржавая цепь.

Прозвучал рог.

— Сорок семь минут, — сказала Эда. — От запуска до следующего запуска. Пока цел источник, они будут возвращаться.

Глеб посмотрел на часы. Он не запомнил, когда прозвучал первый рог, и теперь злился на себя за это так, будто знание точного времени могло всё исправить.

— Это люди?

— Нет. Люди давно умерли.

По дороге из долины поднялся передний ряд всадников.

Глеб следил за ними, пока не различил знакомую полупрозрачную лошадь. Она шла на четырёх ногах. Впереди, возле валунов, пехота перестраивалась навстречу коннице.

На башне начал разгораться белый круг.

Эда потянула Глеба вниз с насыпи. Он пошёл за ней. У него ещё оставалось множество вопросов, но этот звук он уже слышал и ждать ответа здесь не собирался.

Глава 3. Цена спасения

До дороги Глеб дошёл сам. Потом Бор забрал у него рюкзак.

Имя он выучил без переводчика: Эда дважды позвала крупного мужчину, и тот оба раза обернулся. Когда Глеб попытался возразить, Бор показал на его левое плечо, затем на собственное и протянул руку. Спорить пришлось бы на языке жестов, а сил на это уже не осталось.

Они шли через лес, где под краснополосыми листьями было почти темно. Иногда Тир исчезал впереди, возвращался и показывал Эде что-то на пальцах. Вдали ещё несколько раз звучал рог, но с каждым поворотом тропы он становился тише.

Глеб пытался отмечать маршрут. Раздвоенное дерево, каменный выступ, ручей под корнями. Он хотел запомнить дорогу к месту, где появился, хотя понимал, что без этих людей не дошёл бы даже до первой башни.

На открытой поляне ему дали флягу. Вода пахла железом. Тир достал из кармана плоскую лепёшку, разломил пополам и протянул Глебу большую часть. Тот взял её, поблагодарил. Тир повторил русское «спасибо» с таким выражением, будто произносил удачную шутку.

Глеб заставил себя съесть несколько кусков. Во рту всё было сухим, хлеб царапал нёбо. Зато после еды перестали так сильно дрожать руки.

К вечеру они вышли к постоялому двору. Два вытянутых дома стояли по сторонам дороги, между ними тянулся деревянный навес. Под ним возчик чинил колесо. Рядом лежала в упряжи широкогрудая серая лошадь; она подняла голову, увидела путников и снова опустила морду на передние ноги.

Обычная лошадь. Глеб смотрел на неё слишком долго.

Тир что-то сказал, и возчик рассмеялся. Лошадь недовольно шевельнула ухом.

Внутри пахло горячим жиром, дымом и мокрой одеждой. Эда поговорила с хозяином, отсчитала монеты, затем показала Глебу на лестницу. Мара прошла за ним с сумкой. В маленькой комнате наверху она посадила его на кровать и снова достала переводчик.

— Куртку снимай. Руку пока высоко не поднимай.

Он послушался. Под курткой ещё оставалось тепло, будто одежда не успела понять, что снег закончился. Мара ощупала плечо, спросила, где больнее, заставила медленно согнуть локоть.

— Кости, похоже, целы. Но я мастер предметов, а не лекарь. В Равене покажем тебя человеку, который понимает в костях.

— Когда там будем?

— Завтра. До темноты не успеваем, а идти с тобой ночью капитан не хочет.

Она промыла колено. Глеб зажмурился, вцепившись в край кровати. Когда открыл глаза, Мара уже вытаскивала из повреждённой ткани маленький осколок.

— Почему ты взял знак?

— Он зацепился за моё снаряжение. Поднял, сунул в карман. Я не знал, что он делает.

— Здесь незнакомые вещи не кладут к телу.

— На моей стороне они обычно не светятся.

Она на мгновение задержала руку, потом продолжила перевязку.

— Придётся изменить привычку.

Глеб посмотрел на круглый предмет, которым Мара прижимала его запястье.

— А этот можно?

— Этот я знаю.

Возразить было нечем.

Она забинтовала колено, дала ему чистую тряпицу для лица и показала кувшин у двери. Потом спросила про красные следы на запястьях. Глеб объяснил, что они от верёвки.

— Тира ты вытащил хорошо, — сказала Мара. — Теперь не реши, что умеешь всё остальное.

— Я ещё не решил, что понимаю хоть что-нибудь.

— Вот это сохрани до утра.

Переводчик погас. Мара убрала его, забрала миску с грязной водой и вышла.

Глеб остался сидеть на кровати. В комнате было одно окно, закрытое деревянной ставней, табурет и крюк на стене. На крюке кто-то оставил обрывок бечёвки. Всё можно было потрогать. Дерево, ткань, шероховатая штукатурка. Он медленно провёл рукой по одеялу, будто от этого зависело, останется ли комната на месте.

Телефон показывал сорок один процент.

Глеб отключил лишнее, открыл заметки и написал время падения, насколько мог восстановить. Потом — имена. Эда, Тир, Мара, Бор. Эйрдан. Равен. Сивый рубеж.

Над последним названием он задержался. Здесь война закончилась сто восемьдесят лет назад, но солдаты всё ещё пытались его убить. Эда сказала это как дорожную справку, почти между делом.

Он записал и это.

Потом открыл камеру, снял комнату, перевязанное колено и окно. Через щель в ставне был виден двор. Возчик докатывал колесо к телеге; лошадь стояла рядом, упираясь мордой ему в плечо.

Глеб хотел записать видео для сестры. Поднёс телефон, включил фронтальную камеру. На экране появился мужчина с засохшей кровью на щеке и нелепо чистой полосой кожи возле глаза.

— Надя, я...

Он остановил запись.

Нельзя было начать с «я жив». Она не знала, что с ним что-то случилось. Сейчас у неё был обычный вечер. Наверное, она ругалась на собаку за грязь в прихожей или искала крышку от кастрюли, которую сама же положила не туда.

Глеб удалил три секунды видео, выключил телефон и лёг, не раздеваясь.

Проснулся он от стука. Тир принёс миску с густой похлёбкой и ложку, затем показал два пальца: завтра вдвоём? Два часа? Глеб не понял. Тир повторил жест, указал вниз, куда вели ступени, и потёр живот.

Две порции. Просто две порции.

— Я не съем столько.

Тир радостно кивнул, сел на табурет и забрал вторую миску себе.

Глеб засмеялся впервые с того момента, как упал. Смех сразу отдался в плече, но он уже не мог остановиться. Тир выждал, потом спросил что-то, показав на перевязку.

— Болит, — сказал Глеб.

Разведчик назвал местное слово. Глеб повторил. Тир поправил его, ткнул пальцем в свою разбитую губу и снова произнёс слово. Оно получилось коротким и злым, подходящим к случаю.

Так Глеб выучил своё первое полезное слово в новом мире.

Утром они сели в телегу. Возчик вёз пустые мешки, треснувший жернов и клетку с тремя птицами, которые старательно делали вид, что мертвы. Когда Тир просунул палец между прутьями, одна клюнула его. Он обиделся, а возчик, не оборачиваясь, произнёс длинную фразу. Бор улыбнулся.

Глеб сидел рядом с жерновом, подложив под плечо сложенную куртку. Колено сгибалось плохо. Эда несколько раз оглядывалась на него, но вопросов не задавала.

Лес сменился полями. Над ними стоял сизый утренний воздух, от дороги тянулись узкие канавы. Работавшие у изгороди люди подняли головы, провожая телегу. У одного на боку висело то же оружие, что у Эды, только с длинным деревянным ложем.

Глеб уже не искал камеры или съёмочную группу. Он искал вещи, которыми мог бы воспользоваться: тракт, воду, жильё, возможность обменять что-нибудь на деньги. В нагрудном кармане лежала банковская карта. От неё здесь пользы было меньше, чем от пустого мешка.

Равен появился за поворотом.

Город стоял на пологом склоне над рекой. Нижние дома были светлыми, с плоскими крышами, выше начиналась тесная застройка из дерева и серого камня. Над ней торчала высокая башня с четырьмя часовыми кругами. На каждом вместо стрелок двигалась белая полоса. Ворота были открыты, но перед ними выстроилась очередь телег.

Мара забралась к Глебу через жернов, достала переводчик.

— Отвечаешь только на то, что спрашивают. Если не понимаешь — говоришь мне.

— Кто спрашивает?

— Привратный писарь. Ему нужно знать, кого мы привезли.

— Человек без адреса и без местных денег. Он обрадуется.

— С деньгами тоже радуется не всем.

Писарь сидел под навесом у ворот. Он проверил дощечку Эды с металлической накладкой, посмотрел на сумку Мары, затем на Глеба. Вопрос был коротким. Перевод прозвучал у самого уха.

— Имя и место проживания.

Глеб назвал имя. На второй части ответа застрял.

Эда вмещалась. Она положила на стол другую дощечку, тоньше первой, и заговорила с писарем. Мара не переводила каждую реплику. Только когда писарь протянул руку, объяснила:

— Капитан поручается за тебя до выяснения. Получишь временную отметку. На семь дней.

— А потом?

— Потом нужно продлить или оформить работу.

Глебу дали маленький деревянный жетон с выжженным знаком. Писарь показал, как его держать перед собой, и сделал отметку в книге. Глеб собирался расписаться, но места для его подписи не было.

За воротами телега остановилась. Охотники сняли вещи; Бор вернул Глебу рюкзак, придерживая его, пока тот устраивал лямку на правом плече. Возчик протянул Тиру палец. Тир засмеялся и отступил подальше от клетки.

До двора «Ржавого компаса» шли по узкой улице, где с утра уже били молотками, спорили о цене ткани и жарили маленькие круглые хлебцы. Глеб поймал себя на том, что считает окна и проходы между домами. Здесь не было удобного пути отступления. Зато никто не поднимал на него копьё.

У калитки Эда остановилась, сняла с плеча оружие и повесила на крюк под навесом. Остальные сделали то же. Только Мара унесла сумку с добычей внутрь.

Двор был небольшим. Колодец, дровяной сарай, длинная лавка у стены. На верёвке сушились полотенца и два грубых чехла для оружия. В дальнем углу лежала куча камней, на одном были видны следы рубки.

Эда указала Глебу на лавку. Через некоторое время Мара вернулась с переводчиком и чашкой горячего питья.

— Лекарь придёт после полудня, — сказала она. — До этого руку не нагружай.

Эда села напротив. Положила на стол три предмета: погасшую круглую печать, обломок белой пластины и маленькую мерную дощечку с зарубками.

— Дверь, — сказала она, касаясь печати. — Завеса на дороге. Перевод. То, что мы потратили из-за тебя.

Глеб поставил чашку.

— Сколько?

Мара посмотрела на Эду. Та отодвинула дощечку.

— Ты вытащил Тира. За это мы не выставяем счёт.

— Тогда зачем показываете?

— Чтобы ты понимал цену. Мы не можем каждый день вытаскивать тебя из места, о котором ты ничего не знаешь.

Глеб перевёл взгляд на обломок пластины. Завеса исчезла, и они побежали. Он тогда даже не задумался, что Мара выбросила деньги, которые могла бы потратить на еду или новую одежду.

— Понимаю.

— Пока нет. Но можешь научиться.

Эда откинулась на спинку лавки.

— У нас есть работа. Проверять верёвки, помогать с переноской, смотреть сложные подъёмы. До рубежа тебя сразу не поведём. Сначала лекарь и несколько дней здесь.

Мара резко заговорила на своём языке. Переводчик передал только последнюю фразу:

— Он снова схватит первое, что увидит.

— Не схвачу, — сказал Глеб.

— Это все обещают.

— Покажете, что нельзя трогать, — не буду трогать. Если не покажете, спрошу.

— Спрашивать посреди боя некогда.

Эда подняла ладонь, и Мара замолчала.

— Работу на маршрутах он знает. Чужие вещи трогать отучим. Я предлагаю семь дней. Плата — восемь медных делений за рабочий день, еда и место наверху. Лечение сейчас оплачиваем мы. Дальше решаем заново. В любой день можешь отказаться.

Глеб посмотрел на неё внимательнее.

— Спасение не долг?

— Не такой, который держит человека на верёвке.

Мара чуть изменила положение переводчика.

— Последнее — выражение. Верёвку она не имеет в виду.

— Я понял.

— Лучше уточнить. Этот предмет плохо справляется с поговорками.

Из дома вышел Тир. Поставил на стол миску с хлебом, увидел разложенные обломки и сразу перестал улыбаться. Эда что-то сказала ему; он посмотрел на Глеба и коротко кивнул.

Глеб покрутил чашку между ладонями.

— Мне всё равно нужно искать дорогу обратно.

— В городе есть люди, которые изучают старые переходы, — сказала Эда. — Вряд ли ответят сразу. Работа не мешает задавать вопросы.

— И вы дадите узнать, где я появился?

— Покажу на карте. Вернуться туда одному не позволю, пока ты живёшь под моим поручительством. Хочешь уйти — сначала снимем поручительство.

Это прозвучало жёстко, но Глебу хотя бы объяснили условия. Он представил, как сидит в чужом городе с деревянным жетоном, двадцатью метрами уцелевшей верёвки и банковской картой. Семь дней были не худшим началом.

— Согласен.

Мара забрала обломок пластины и печать. Эда пододвинула хлеб.

Комнату ему выделили над мастерской. В ней было больше света, чем на постоялом дворе, и меньше мебели. Узкая кровать, ящик вместо стола, таз. Окно выходило на двор. Глеб мог видеть, как Бор развешивает ремни, а Тир спорит с Марой из-за сломанной застёжки.

Лекарь пришёл ближе к середине дня: пожилой мужчина с мягкими руками и очень нетерпеливым лицом. Он осмотрел плечо, поворчал, дал мазь и показал, как носить поддерживающую повязку. Через Мару велел несколько дней не лазить и вернуться, если кисть начнёт неметь. Глеб запомнил последнее особенно внимательно.

Когда все ушли, он разложил вещи на ящике.

Телефон. Рация. Уцелевшие карабины. Нож, которым он никогда не дрался. Документы в непромокаемом чехле. На фотографии в паспорте он был почти на десять лет моложе и смотрел так, будто считал серьёзное выражение лица полезным жизненным навыком.

Глеб снял местный жетон с шеи и положил рядом.

На бумаге у него была страна, адрес, дата рождения. На деревяшке — семь дней.

Он снова включил телефон. Написал сестре сообщение, хотя знал, что оно никуда не уйдёт: «Я жив. Пытаюсь разобраться. Группа осталась с Сашей». Сохранил в заметках, не удаляя прежние записи.

Потом достал бумажный блокнот из рюкзака. Страницы по краям отсырели, середина оставалась сухой. Глеб начертил крепость, дорогу, желоб и стену, по которой поднялся. Отдельно отметил место своего появления. Если телефон разрядится, хоть это останется.

Снизу постучали по подоконнику.

Тир стоял во дворе, держа две толстые верёвки. Поднял одну, потом другую, вопросительно развёл руки.

Глеб посмотрел на повязку, на рисунок, на дверь мастерской. Он мог проверить верёвки, не поднимая левую руку. Это была работа, которую он умел делать.

Он взял карандаш, закрыл блокнот и пошёл вниз.

Глава 4. Первый контракт

Первые деньги Глеб заработал, забрав верёвку Тира.

Разведчик явно рассчитывал на другой результат. Он выложил перед Глебом две бухты, сел напротив и всё время разговаривал, хотя прекрасно знал, что собеседник его не понимает. Одну верёвку Глеб проверил и отложил. Вторую развернул, нашёл жёсткий участок под потёртой оплёткой и покачал головой.

Тир ткнул пальцем в хорошую верёвку, затем в плохую, поднял большой палец.

— Нет, — сказал Глеб.

Это слово он уже знал. Местное произношение почти не отличалось от русского выдоха через стиснутые зубы.

Тир показал три пальца. Походы? Годы? Попытки уговорить?

Глеб взял карандаш, нарисовал человечка, висящего на верёвке. Рядом изобразил тот же рисунок без верёвки.

Тир долго смотрел на бумагу. Затем забрал плохую бухту, отмерил короткий кусок, показал на нож и на ручку ведра.

— Для ведра можно, — согласился Глеб.

Через час Тир принёс ему три монеты и деревянную ложку. Ложку положил сверху, торжественно указав на рисунок упавшего человека. Глеб не понял шутки, но настроение разведчика оценил.

Эда вечером отсчитала ещё пять медных делений. Глеб записал сумму в блокнот и рядом — два новых слова. «Целая». «Повреждённая». Мара заставила его произнести их несколько раз, пока он не перестал путать окончания.

На следующий день Бор показал, как проверить ремни на панцире. Глеб попробовал объяснить, что разбирается в снаряжении для лазания, а не в местной броне. Бор слушал внимательно, кивал и продолжал показывать. В итоге Глеб действительно нашёл трещину возле металлической скобы. Бор снял ремень и положил на край стола, рядом с плохой верёвкой.

Тир, увидев это, спрятал собственный пояс под куртку.

Глеб постепенно разобрался в распорядке двора. Утром Эда куда-то уходила с дощечками и возвращалась с новыми отметками. Бор тренировался у груды камней и чинил всё, что не требовало тонкой работы. Тир исчезал в городе и приносил вещи, которые Мара не всегда соглашалась принимать. Сама Мара почти весь день сидела в мастерской. Оттуда доносились скрежет, короткие удары и иногда ругань, которую Глеб узнавал по интонации.

Плечо болело меньше. Колено перестало гореть в покое, но быстро напоминало о себе на лестнице. Глеб перевязывал его утром и вечером. После осмотра лекарь снова ощупал руку, заставил пошевелить пальцами и разрешил обычную ходьбу. Когда Глеб жестами спросил о подъёмах, тот показал на скамью и велел сесть. Больше уточнений не понадобилось.

На четвёртый день Эда отвела его в маленькую контору возле городской башни. Там человек в сером жилете рассматривал нарисованную Глебом крепость и что-то записывал. Мара переводила, экономя заряд.

Сведения о разрывах действительно собирали. Но никто не мог назвать ни надёжного пути, ни человека, который вернулся. Писарь попросил описать падение, одежду, время суток и вещи, которые были с ним. Когда Глеб спросил, зачем одежду, выяснилось: случайно найденные предметы помогали связывать сообщения о разрывах.

— То есть у вас уже было что-то с моей стороны?

Мара задала вопрос. Писарь пожал плечами, выдвинул ящик и показал рисунок маленького гладкого предмета с прозрачной вставкой.

Глеб узнал одноразовую зажигалку.

Он наклонился над листом. Рисунок был грубым, но колёсико и металлический колпачок виднелись отчётливо.

— Она здесь?

Писарь покачал головой. Предмет привезли с юга восемь лет назад. Продали коллекционеру. Где тот теперь, нужно выяснять.

Глеб оставил своё имя и адрес двора. Уходя, он заставил себя не считать чужую зажигалку обещанием. Она могла оказаться похожим местным устройством. Даже если нет, восемь лет были слишком большим сроком для человека, у которого заканчивалась первая неделя.

Зато вечером он попросил у Эды работу ещё раз. Уже не временно, до первой хорошей новости. Ему нужны были деньги на расспросы, дорогу и людей, способных прочитать старые записи.

На пятый день Эда разложила во дворе карту.

— Небольшой контракт, — перевела Мара. — Южный сторожевой пост. Три защитные пластины из складской ниши. Ты идёшь помощником. Ничего не подбираешь, вперёд не выходишь, в бой не вступаешь.

— А если нужно будет лезть?

— Тогда смотрим, можно ли обойтись без тебя. Лекарь запретил нагружать руку.

Эда положила перед ним плоский камень с белой чертой.

— Это наш знак сбора. Он ничего не делает. Его можно брать. Если Тир покажет тебе такой знак, возвращаешься к нему сразу. Не заканчиваешь работу, не забираешь вещи. Возвращаешься.

Глеб кивнул.

— Покажи.

Она поставила на край стола пустой кувшин, отодвинула его к Глебу и жестом предложила принести. Он встал. Тир поднял камень с чертой.

Глеб остановился и вернулся.

— Хорошо, — сказала Эда. — Теперь ещё три жеста.

Она показала «стоять», «лечь» и «отходить». Мара заставила его повторить. Тир изобразил неправильное исполнение последнего — побежал на месте с преувеличенно испуганным лицом. Бор легонько толкнул его в спину. На этот раз шутку Глеб понял без перевода.

До поста добирались пешком. Рюкзак Глеба облегчили: еда, вода, уцелевшее снаряжение, чистая повязка. Основные мешки для добычи понесли Бор и Тир. Мара сняла с пояса круглый переводчик и на глазах у Глеба уложила его в коробку с мягкой прокладкой.

— На рубеже только жесты, — сказала она напоследок. — Здесь мы уже потратили достаточно.

Пост стоял над маленьким оврагом, заросшим сухой травой. Он был куда ниже первой крепости: два этажа, пристройка, обломок башенки. Вдоль стены тянулся старый навес. Под ним чернела дверь без створки.

Эда остановила группу у большого плоского камня. Тир сходил вперёд, проверил низину и вернулся, подняв четыре пальца. Эда посмотрела на тень от стены, на узкую полоску света над входом, потом дала знак двигаться.

Глеб старался запоминать, что делают остальные. Никто не шёл прямо к двери. Они обогнули овраг, вошли под навес с востока и остановились возле трёх тёмных плит, уложенных поперёк прохода.

Мара провела над плитами тонким металлическим стержнем. Его конец едва заметно посветлел. Она опустила стержень, дождалась, пока свет исчезнет, и показала Эде на крайнюю плиту.

Тир переступил через неё первым. Бор подал Глебу руку. На этот раз тот не спорил.

Внутри было сухо. Свет проникал через высокие окна, рисуя на полу узкие прямоугольники. Возле стены лежали сломанные древки, груда железных колец и остатки большой деревянной рамы. Глеб держал руки на лямках рюкзака, чтобы случайно не начать осматривать находки.

За дальним окном прошёл силуэт.

Он замер. Тир поднял два пальца и махнул в сторону окна: ждать. Через несколько секунд появился второй солдат. Оба прошли мимо, не заглядывая внутрь.

Эда улыбнулась краем рта, словно всё пока соответствовало её ожиданиям.

Складская ниша находилась под лестницей. Мара опустилась перед ней, вынула маленькие щипцы и начала освобождать первую пластину. Бор держал мешок открытым. Тир следил за окнами, Эда — за входом.

Глебу оставили место возле внутренней стены. Он мог видеть двор через пролом и отсюда же оценить балки над головой. Одна прогнулась, но обе опоры оставались целыми. Другая лежала на кладке только концом, и под ней уже осыпался раствор.

Он показал Эде наверх.

Она посмотрела, кивнула и отодвинулась от опасного участка. Глеб почувствовал маленькое, почти детское удовольствие: здесь он заметил полезную вещь раньше остальных.

Мара вынула вторую пластину.

Снаружи раздался сухой треск. По окну прошла тень, затем ещё одна. Тир поднял ладонь, предупреждая остальных, и наклонился к щели в кладке.

На этот раз солдаты шли обратно.

Слишком быстро. Предыдущий патруль ещё не должен был успеть обойти здание, даже если маршрут был совсем коротким. Глеб увидел это, но Эда уже стояла возле Тира, прижимая пальцы к стене.

Мара бросила третью пластину обратно в нишу. Быстро затянула мешок с двумя остальными.

Эда указала на вход.

Глеб двинулся туда, Бор перед ним. Из дверного проёма вышел солдат с коротким копьём. Другой появился за его плечом. Глеб остановился так резко, что Бор обернулся.

Копьё ударило в край двери.

Бор поднял щит, которого Глеб до этого почти не замечал: небольшой, висевший за спиной на ремне. Между солдатом и охотником мелькнуло тусклое жёлтое пятно. Древко копья ушло в сторону.

Эда схватила Глеба за ворот и оттащила от прохода.

Следующий удар пришёлся в пол. Камень разлетелся мелкими осколками. Солдаты переступили порог.

Тир метнул им под ноги маленький чёрный предмет. Из него потянулся дым, но солдаты продолжали идти. Тогда Бор шагнул вперёд и ударил топором.

Первый копейщик распался от плеча до пояса. Второй оказался совсем рядом. Бор принял его удар на щит и отступил.

Эда показала всем влево, к двору.

Глеб увидел белый камень в руке Тира и пошёл за ним. Двор был открыт, но через пролом в западной стене поднимались новые солдаты. На краю кладки висел свежий пласт земли с корнями. Ниже лежали камни — острые, светлые на изломах.

Мара заметила их и резко выругалась. Глеб понял одно из недавно выученных слов: повреждённая.

В стене обрушился участок. Снаружи открылся проход, которого охотники не ожидали. Но почему из-за этого изменился весь маршрут, Глеб пока не знал.

Эда потянула Тира назад. Между группой и входом уже стояли три копейщика. За проломом двигались ещё четверо.

Бор прикрывал дальний проход, отступая короткими шагами. После каждого удара его щит вспыхивал слабее.

Глеб поднял голову.

Над ними тянулась деревянная галерея. Она соединяла лестницу склада с боковой пристройкой. Перила давно обломались; часть досок выпала. Но толстые опорные балки лежали на каменных выступах, а сама пристройка выходила к оврагу через широкое окно.

Он ткнул Эду в плечо, показал вверх и дальше, к окну.

Она посмотрела на галерею, на солдат. Покачала головой.

Глеб не стал спорить. Указал на балку, под ней — на целую опору. Затем показал на собственные ноги: идти можно по балке, доски не нужны.

Эда что-то спросила у Мары. Та подняла стержень к галерее, дождалась слабого света и ответила. Глеб видел по лицам: времени на согласие у них почти не оставалось.

Тир снова поднял белый камень. На этот раз он указывал к лестнице.

Глеб побежал первым только после жеста Эды.

Лестница была каменной, верхние ступени сохранились. Под ногой шевельнулся обломок, и колено прострелило болью. Глеб перенёс вес на другую ногу, ухватился правой рукой за выступ стены и поднялся на уровень галереи.

До пристройки было около восьми метров. Внизу стояла Мара, за ней Эда. Бор всё ещё удерживал проход. Тир поднялся следом за Глебом, заглянул вниз и громко сказал что-то капитану.

Глеб достал уцелевшую верёвку. Для надёжной страховки всей группы у него не было ни времени, ни подходящих креплений. Но можно было помочь им удерживать равновесие и остановиться, если кто-то поскользнётся. Он показал Тиру ближайшую опору, положил верёвку поверх балки и пошёл сам, проверяя каждый участок ногой.

Дерево было старым и гладким там, где по нему ходили, зато сама балка не прогибалась. Левую руку Глеб держал возле груди. Смотрел на каменный край впереди, стараясь не проверять каждые полшага, что происходит внизу.

Посередине в стену ударило копьё.

Глеб пригнулся. Осколок задел его голень, нога соскользнула с дерева. Он успел сесть верхом на балку, но левое плечо рефлекторно пошло назад. Боль отняла дыхание.

Тир схватил верёвку. Она натянулась возле кисти Глеба, дав опору, которой ему не хватало. Он вернул ногу наверх и пополз остаток пути сидя, не пытаясь снова встать.

У пристройки опустился на колени. Впереди была широкая каменная площадка, окно без рамы и склон, покрытый сухой травой. До земли отсюда было меньше двух метров.

Он обернулся и показал: свободно.

Мара перешла быстро. Подала ему мешок, сама прыгнула из окна и обернулась, чтобы принять добычу. Глеб опустил мешок ей в руки.

Эда шла за ней, держась за верёвку. Тир оставался у лестницы. Внизу ударил топор. Глеб услышал короткий тяжёлый выдох Бора.

Один копейщик уже поднимался по ступеням.

Эда остановилась посередине балки, повернулась и выстрелила. Солдат исчез в белой вспышке. Тир крикнул Бору и отскочил на галерею.

Крупный мужчина появился на лестнице. Щит висел у него на левой руке, чёрный по краю. Он взглянул на балку, на Эду и осторожно ступил.

Глеб услышал, как затрещала та самая плохо опёртая балка, которую заметил в начале. Она лежала выше, поддерживая остаток крыши. В неё ударило оружие солдата снизу.

Он крикнул и показал рукой.

Эда сразу ушла с середины галереи. Тир обернулся, дёрнул Бора вперёд. Глеб натянул верёвку, помогая им пересечь последние метры.

Сверху посыпались доски.

Одна ударила Бора по спине. Он качнулся, упёрся щитом в стену и сделал ещё шаг. Тир спрыгнул на каменную площадку, схватил Глеба за пояс, чтобы тот не оказался на краю, и вдвоём они приняли последний рывок.

Бор ступил на камень.

За его спиной галерея провалилась. Верёвку потащило вниз. Глеб успел разжать пальцы, но петля захлестнула карабин на поясе.

Эда ударила ножом по натянутой стропе.

Глеб отшатнулся в стену. Внизу рухнули балки, и в пыли исчезли солдаты. Карабин, который он успел зацепить за верёвку, ушёл вместе с ней.

Мара крикнула снаружи.

Они выбрались через окно. Бор спустил Глеба последним, удерживая за целое предплечье. На земле тот попытался шагнуть и понял, что колено снова кровит. Штанина прилипла к повязке.

Тир подхватил его под правую руку. Эда ушла вперёд, показывая путь вдоль оврага. Позади под обломками галереи снова пробивался синий свет.

До плоского камня они добрались без новых столкновений. Только там Мара открыла переводчик.

— Сядь, — сказала она Глебу. — Не на эту ногу. На камень.

Она опустилась перед ним, потянула разорванную ткань. Глеб смотрел вверх её головы на мешок с двумя пластинами. Всего два плоских предмета. Ради них Бор едва не остался внутри, Мара потратила ещё один заряд, он потерял часть верёвки и карабин.

Эда присела рядом.

— Наверху ты увидел выход вовремя.

— А внизу не понял ничего.

— Поэтому ты пока помощник.

— Что изменилось?

Мара показала на западную стену поста.

— Упал участок ограды. Один из знаков границы оказался под камнями. Внешний проход соединился с внутренним. Стражи получили новый путь к цели.

— Цель — мы?

— Любой, кто вошёл без разрешённого знака.

Глеб поднял глаза на Эду.

— Вы не знали про стену?

— В прошлый раз она стояла. Мы проверили вход и ближайший патруль. Нужно было обойти всё укрепление. Это моя ошибка.

Она сказала это ровно, не ожидая ни возражений, ни сочувствия. Глебу стало чуть легче. Не потому, что виноват был кто-то ещё. Просто здесь можно было называть вещи прямо.

Мара затянула новую повязку.

— А твоя — схватиться за верёвку левой рукой после того, как тебе запретили её нагружать.

— Я не планировал падать.

— На это у нас редко спрашивают разрешение.

Бор поставил перед ним флягу. Тир сел на землю, вытянул ноги и вдруг показал пальцем на пояс Глеба, откуда свисал отрезанный конец стропы.

Он произнёс местное слово: повреждённая.

Глеб посмотрел на стропу, потом на мешок с добычей.

— Очень повреждённая, — ответил он на том же языке.
Тир кивнул, будто это был хороший итог первого совместного контракта.

Глава 5. Добыча новичка

За две пластины заплатили как за одну.

Глеб узнал об этом утром, когда Эда вернулась из Гильдии. Капитан положила на стол кошелек, затем вынула из мешка прямоугольную пластину с загнутым углом. Вчера обе находки выглядели одинаковыми. Теперь, на чистой ткани под окном мастерской, повреждение было видно хорошо: от угла к середине тянулась тонкая трещина.

Мара провела по ней ногтем и покачала головой.

— Заказчик хотел целые, — перевела она. — Эта не годится для воротного щита.

Глеб стоял рядом, опираясь бедром на стол. Сидеть ему надоело, а ходить по-прежнему было больно. Накануне лекарь поворчал над коленом, сменил повязку и пообещал Эде, что в следующий раз возьмёт плату за каждого человека, который советует больному побольше отдыхать, но всё равно ведёт его на развалины. Мара перевела это почти с удовольствием.

— Она была сломана до нас? — спросил Глеб.

— Не знаю, — ответила Мара. — Мы снимали крепление в спешке. Могла треснуть тогда.

Она повернула пластину. На обратной стороне были видны четыре неглубокие канавки и широкий паз. Одна канавка упиралась в трещину. Металл казался тяжёлым, но когда Мара предложила Глебу поднять предмет, тот удивился его весу.

— Лёгкая.

— Для стены слишком. Для человека в самый раз.

— А чинить можно?

— Полностью — в хорошей мастерской за деньги, которых она не стоит. Частично — здесь. Но работать будет хуже целой.

Эда открыла кошелек и отсчитала деньги на несколько маленьких кучек. Бор забрал свою, не считая. Тир пересчитал, пересчитал ещё раз, задал вопрос. Эда ткнула пальцем в трещину на пластине. Он вздохнул и убрал монеты.

Глеб смотрел на оставшийся металл. Здесь древняя магия лежала на столе рядом с мотком бечёвки и обломанной иглой. За неё не устроили спор, никто не говорил о судьбе мира. Она не подошла покупателю.

— Мне дадите посмотреть, как чинить?

Мара подняла глаза.

— Смотреть. Руками не трогать.

— Это я запомнил.

— Вчера ты тоже много чего помнил.

Она отнесла переводчик к маленькому накопителю возле окна. Соединила их тонким шнуром, повернула винт. На боку накопителя потемнела одна из узких полос.

— Вопросы закончились, — сказала Мара на местном языке.

Эту фразу Глеб тоже уже знал.

Мастерская занимала два соединённых помещения. В первом стоял рабочий стол, во втором — высокий шкаф с отдельными ячейками. На каждой было изображение, которое Глеб пока не умел читать: несколько черт, кольцо, угловатый знак. Мара не открывала две ячейки одновременно. Вынув нужный предмет, закрывала дверцу и только потом переходила к следующей.

Глеб устроился на табурете и начал рисовать в блокноте. Он привык учиться так: сначала запоминал последовательность, потом задавал вопросы. Сейчас второй части почти не было, зато у Мары можно было видеть руки.

Она очистила пластину деревянным скребком. Затем прикрепила к её обратной стороне тонкую скобу, которая удерживала трещину закрытой. Сам металл не соединяла. Поднесла к канавке маленький стержень с жёлтым концом и дождалась короткого слабого света.

При этом пластину она держала от себя.

Глеб отметил это в рисунке.

Затем Мара взяла вторую скобу, приложила к краю, примерила крепление. Зацепила его за широкий ремень и потянула. Первый раз металл сдвинулся, второй остался на месте.

Когда она закончила, Бор принёс из двора деревянный щит. Небольшой, без обивки, с хорошо видимыми следами ударов. Поставил у стены, опирая на мешок с песком. Мара закрепила на нём пластину.

Глеб поднялся.

Бор показал ладонью: оставаться на месте. Затем забрал у двери короткую деревянную дубинку.

Первый удар прозвучал обычно. Щит качнулся, песок в мешке хрустнул. Мара что-то сказала, поправила положение пластины и провела по широкому пазу маленьким ключом.

Второй удар получился другим.

Глеб увидел, как воздух перед щитом на мгновение стал плотным, желтоватым. Дубинка остановилась, не дойдя до дерева, и ушла в сторону. Бор спокойно отвёл руку. На краю пластины появился тонкий тёмный след.

Мара кивнула, сняла предмет и положила на стол.

Тир выглянул из двери, показал на Глеба и сказал что-то Бору. Тот посмотрел на дубинку, потом на перевязанное колено Глеба и покачал головой.

— Даже не думай, — сказал Глеб по-русски.

Тир развёл руками. Очевидно, он всего лишь предлагал полезный опыт.

Через некоторое время Мара снова подключила переводчик.

— Один сильный удар, — сказала она. — Потом нужно проверять и заряжать заново. Если трещина пойдёт дальше, предмет выбрасываешь.

— Что считается сильным?

— Зависит от настройки и того, чем бьют. Дубинку ты видел. Под оружие с такой не становись.

— Я и без неё не собирался.

— На рубеже иногда приходится. Поэтому говорю заранее.

Она положила перед ним ремень с пластиной.

— Правильное положение — лицом к угрозе. Если повернёшь боком, она не прикроет всю грудь. Если удар придёт сзади, можешь не заметить ничего, кроме самого удара.

Глеб провёл пальцем над канавками, не касаясь их.

— Она сама понимает, когда включиться?

— Не понимает. Реагирует на воздействие в определённой области. Настраиваю я. Включаешь ты.

— Почему в щит не попала первая дубинка?

Мара нахмурилась.

— Первая как раз попала.

— Да. Почему пластина её не остановила?

— Потому что я ещё не открыла заряд.

Она показала маленький поворотный выступ под креплением. В закрытом положении он прилегал к ремню; в открытом чуть отходил от него.

— В городе держишь закрытым. Иначе отдашь весь заряд человеку, который нечаянно толкнёт тебя в толпе. Или дверному косяку, если решишь в него побежать.

Глеб вспомнил бойницу.

— Дверные косяки я уже проверял без защиты.

— Заметно.

Он повернул выступ. Мара сразу остановила его руку.

— Сейчас внутри пусто. Всё равно привыкни сначала смотреть, куда направлен предмет.

А потом делать.

Глеб закрыл крепление, положил ладони на стол.

— Можно купить такую?

— Эту — можно. Хорошую тебе пока не продадут. Слишком быстро потеряешь, сломаешь или отдашь вместе с собой.

Он взглянул на трещину.

— Сколько?

— Остаток за шесть медных делений. Моя работа — ещё четыре. За один заряд — два. Ремень старый, за него не беру.

Глеб прикинул деньги. За три дня во дворе и вчерашнюю вылазку ему полагались тридцать два деления; часть уже лежала в комнате, часть Эда ещё не выдала. Двенадцать он мог потратить. Только непонятно было, на что ещё они понадобятся.

— Сколько стоит обычный хлеб?

Мара посмотрела на него с новым выражением.

— Маленький — одно деление. Комната без еды — пять или шесть за ночь, если не в хорошем месте.

— Тогда эту беру.

— Сначала спроси капитана.

Эда выслушала предложение, не выходя из дверей. Посмотрела, как сидит крепление, спросила Мару о повреждении. Та ответила коротко и показала скобу.

— На самостоятельные вылазки это не разрешение, — перевела Мара слова капитана.

— Я покупаю запасной шанс, не вылазку.

Эда кивнула.

— Тогда пусть будет. Деньги за вчера сейчас принесу.

После расчёта Мара выдала Глебу пластину заряженной. Попросила его три раза снять и снова закрепить ремень. На четвёртый он затянул его слишком высоко. Она ткнула пальцем в его больное плечо и заставила переделать.

— И название у неё есть? — спросил он.

— Пластины этого типа называют «Зарубка». После принятого удара остаётся след. По нему мастер видит, что происходило с предметом.

Глеб посмотрел на тёмную полосу после дубинки.

— Значит, записывает ошибки.

— Удары. Ошибки ты записывай сам.

Он перенёс в блокнот цену, крепление и маленький выступ, открывающий заряд. Под рисунком оставил место для следов после следующего применения.

После обеда Глеб занялся уцелевшим снаряжением. Разложил его на лавке во дворе, отдельно отложил отрезанную стропу. Теперь она годилась разве что подвязать одежду. Остатка верёвки хватило бы для короткого спуска, но прежнюю систему из него уже не собрать.

Он нарисовал на листе нужные застёжки и отнёс рисунок Бору. Тот изучил его, забрал один карабин и сделал знак идти следом.

Мастерская ремней находилась в двух улицах от двора. Бор шёл медленно, подстраиваясь под Глеба. У входа он поздоровался с человеком, который сидел на низкой скамье и пришивал металлическую скобу к толстому поясу.

Глеб положил перед ним карабин и рисунок.

Мастер попробовал защёлку, внимательно рассмотрел пружину. Потом вытащил из ящика похожую скобу без подвижной части. Глеб покачал головой. Показал на рисунке, как должны соединяться два предмета, и снова открыл карабин.

Мастер задумался, взял кусок мягкого металла и несколькими движениями согнул примерный контур. На бумаге записал число.

Бор показал на монеты в ладони Глеба, затем на это число. Тридцать шесть делений. За один предмет, который ещё только предстояло сделать.

Глеб спрятал деньги.

Мастер не обиделся. Показал на карабин, развёл пальцы, словно говорил: работа мелкая, вот и цена. Потом ещё раз нажал на защёлку и с явным сожалением вернул образец.

На обратном пути они остановились у торговца оружием. Под навесом висело несколько знакомых Глебу пластин. Целые, в аккуратных креплениях, некоторые со светлой кромкой.

Глеб указал на самую простую. Торговец охотно снял её, произнёс цену и показал на маленькую табличку.

Число Глеб прочитать не смог, зато по реакции Бора понял: своих двадцати делений здесь лучше не доставать.

Бор осторожно отвёл пластину от груди Глеба, вернул торговцу и показал на собственный пояс. Там висел старый предмет с затёртой кромкой. Затем указал на Зарубку под курткой ученика.

Сейчас этого хватит.

Глеб кивнул. Раньше он думал, что добычу можно просто обменять на хорошее снаряжение и стать сильнее. Теперь выяснялось, что после каждого выхода нужно платить за заряд, ремонт, лечение, новые ремни и вещи, которых никто не умеет делать дёшево.

У ворот двора Бор остановился, взял у него повреждённую стропу и показал на мастерскую Мары. Сделал жест: сначала спросить. Глеб убрал стропу обратно в карман. Самодельные решения придётся проверять вместе с теми, кто знает местные материалы.

Мара выслушала рассказ о застёжках, осмотрела образец и предложила отнести его другому мастеру, который работал с мелкими механизмами. Только сначала спросила, что произойдёт, если новая застёжка раскроется под нагрузкой.

— Человек упадёт.

— Значит, дешёвой пробной вещью сразу пользоваться не будешь.

— Не буду.

Она кивнула и выдала ему кусок плотной ткани, чтобы завернуть карабин.

— Этот сохрани как образец. Если потеряешь, останется только твой рисунок. А я пока не понимаю, почему тебе так нравится эта штука.

Глеб завернул металл. Теперь единственная маленькая вещь могла стоять больше всей его наличности, и в карман он убирал её уже гораздо осторожнее.

Вечером Бор постучал в дверь его комнаты. Показал на двор и протянул короткую деревянную палку.

Глеб взял её. Никакой тяжёлой рукояти, красивой гарды или особенной обработки. Обычная палка, чуть толще с одного конца.

Бор указал на повязку и развёл руками, словно спрашивал, сможет ли ученик стоять. Глеб кивнул.

Во дворе Эда поставила на стол переводчик. Долго разговаривать они не собирались: Глебу перевели несколько основных слов и оставили Бора показывать.

— Он учит тебя держать дистанцию. Сегодня без ударов по тебе и без шагов на больной ноге, — сказала Эда. — Завтра посмотрим, как колено.

— А если мне придётся драться раньше?

— Тогда лучше, чтобы раньше ты научился уходить.

Бор поставил его возле скамьи. Сам встал напротив с такой же палкой. Показал, где должны быть руки, как не зажимать локоть. Глеб повторил. Бор мягко поправил его кисть.

Затем шагнул вперёд.

Конец палки оказался у груди Глеба раньше, чем тот успел поднять своё оружие. Бор остановился, вернулся назад и показал на ноги ученика. Они стояли слишком широко: попытка отойти закончилась бы потерей равновесия.

Глеб переставил здоровую ногу. Бор снова приблизился.

На этот раз Глеб отклонил палку в сторону и одновременно попытался отступить. Колено отозвалось болью, движение сорвалось. Бор сразу убрал оружие и жестом велел сесть.

Глеб сел, недовольный собой.

В горах он мог объяснить человеку, почему тот падает. Здесь его собственное тело делало что-то неверное, а понять ошибку без слов было трудно. Вдобавок Бор двигался без видимого усилия. Это раздражало сильнее, чем должно было.

Тир подошёл к скамье с чашками. Предложил одну Глебу, посмотрел на палку, сказал местное слово «повреждённая» и указал на колено.

— Да понял я, — сказал Глеб.

Разведчик не стал продолжать шутку. Поставил чашку, присел и показал, как Бор до этого перенёс вес. Потом повторил движение медленнее, касаясь собственной ноги пальцем.

Глеб попробовал сидя. Бор кивнул и показал то же самое ещё раз.

Урок продолжился на скамье. Глеб учился не перехватывать палку слишком близко к концу, не разворачивать плечо под удар и смотреть на руки противника. Бор то давал ему остановить движение, то менял направление. После нескольких попыток Глеб обнаружил, что всё время следит за концом палки и теряет из виду самого человека.

Бор коснулся двух своих глаз, потом указал на грудь.

— Тебя смотреть, — произнёс Глеб на местном языке.

Получилось, наверное, смешно, но Бор понял. Улыбнулся и кивнул.

Когда Эда вернулась за переводчиком, Глеб попросил перевести один вопрос.

— Сколько нужно, чтобы научиться нормально драться?

Бор ответил довольно длинно. Эда выслушала до конца.

— С кем?

— С человеком, который умеет.

— Каким оружием?

Глеб посмотрел на палку.

— Давайте начнём с этого.

Эда передала ответ, Бор сказал ещё несколько слов.

— Он говорит: достаточно долго, чтобы ты перестал задавать вопрос без уточнений.

Глеб усмехнулся. На курсах ему самому иногда хотелось отвечать так людям, которые спрашивали, сколько нужно занятий до сложного маршрута.

— А что можно научиться делать быстро?

На этот раз Бор ответил сразу.

— Не мешать тому, кто прикрывает. Замечать, когда тебя обходят. Уходить по команде. Держать оружие так, чтобы не поранить товарища. Этого уже хватает, чтобы стать полезнее.

Глеб провёл большим пальцем по деревянной рукояти.

— Этому и учите.

Бор взял у него палку, осмотрел и вернул.

Тир что-то сказал Эде, показывая на пояс Глеба, где под курткой была закреплена Зарубка. Капитан перевела:

— Он спрашивает, теперь ты будешь первым заходить в двери?

— Теперь я буду первым проверять, где выход.

Тир задумался, затем поднял чашку, принимая такой ответ.

Глеб остался во дворе после остальных. Из мастерской светило в окно. Мара перебирала мелкие детали, время от времени поднося одну к лампе. Бор отнёс тренировочное оружие под навес, но палку Глеба оставил на скамье.

Он поднял её, перевернул в ладони. В кармане лежали двадцать медных делений. На груди — предмет, который мог остановить один удар. Колено по-прежнему болело, местных слов он знал меньше двух десятков, а первый же настоящий противник, вероятно, отобрал бы у него и деньги, и защиту.

Но сегодня он купил вещь, чьи ограничения понимал. И нашёл человека, который согласился учить его сначала выживать, а уже потом побеждать.

Глеб закрыл заряд Зарубки, проверил выступ большим пальцем и понёс палку наверх.

Глава 6. Лучшие охотники Равена

Тир пришёл за Глебом с чистой рубахой.

Свою он тоже сменил. Вместо привычного короткого жилета надел тёмный, с тремя маленькими металлическими полосками на плече. На одной сохранился синеватый след, будто её когда-то подержали над огнём.

Он протянул рубаху, показал на куртку Глеба и решительно покачал головой.

— Она уже сухая, — сказал Глеб.

Тир ткнул пальцем в прореху на рукаве, затем в пятно возле ворота. Поднял ладонь к носу.

Спор закончился. Глеб переоделся.

Рубаха была велика в плечах, зато легко надевалась поверх повязки. Свою куртку он сложил на кровати, снял с пояса нож и оставил рядом. Зарубку тоже собирался оставить, но Тир остановил его и показал, как закрепить ремень под новой одеждой.

— Закрыта, — произнёс Глеб на местном языке.

Тир проверил выступ, довольно кивнул. Затем сунул ему в руку маленькое круглое зеркальце и указал на волосы.

На дворе были готовы все. Эда надела длинную куртку, Бор почистил панцирь. Мара несла плоскую сумку, из которой торчал край деревянной коробки. Увидев Глеба, она посмотрела на его плечо и задала вопрос.

— Болит мало, — ответил он.

Слова получились в неправильном порядке. Мара поправила, дождалась повторения и пошла к калитке.

Сезонную встречу охотников устраивали в широком дворе за зданием Гильдии. Глеб уже видел это здание, когда Эда относил пластины заказчику, но тогда они остановились у боковой двери. Теперь ворота были открыты настежь. За ними шумели люди, пахло горячим хлебом и дымом.

Вдоль стен стояли столы. На одних торговали ремнями, чехлами и простым оружием, на других показывали вещи, к которым без хозяина не подходили. У высокого подиума двое рабочих натирали белым порошком деревянные настилы. Рядом висела доска с отметками, похожими на те, что ставили на временный жетон Глеба.

Он увидел около двух десятков небольших знамён. Некоторые висели над столами, другие несли в руках. На ближайшем была красная ладонь. Человек под этим знаменем сидел в кресле, вытянув ногу, и весело показывал товарищам отсутствующие пальцы другой руки.

Глеб остановился возле него. Мужчина заметил взгляд, махнул уцелевшими пальцами и подмигнул.

Тир показал на его ногу, потом на своё колено, изобразил сон. Видимо, сегодня воин только смотрел.

Глеб вдруг почувствовал себя чуть менее посторонним. Здесь было достаточно людей, которые сидели рядом с красивым оружием и старались не шевелить повреждённой частью тела.

Эда передала дощечку человеку у входа. Тот поставил отметку и что-то спросил, глядя на Глеба. Капитан ответила. Писарь поднял брови, но больше вопросов не задал.

Мара отвела их к свободному концу стола. Вынула переводчик, положила на деревянную подставку. Над ней висела небольшая металлическая рамка. Мара вставила в неё тонкий стержень, и на круглом предмете загорелась точка.

Глеб посмотрел на неё.

— Здесь есть общий накопитель, — объяснила она, взяв его за руку. — На время встречи можно пользоваться. Если не будем болтать весь день.

— Можно перевести мне всё, что говорят вокруг?

— Можно потратить весь оплаченный предел за полчаса. Тогда да.

Он отступил от столика, чтобы не слушать случайные разговоры через предмет. Тир ткнул его в локоть и повёл вдоль рядов.

Возле одного стола стоял маленький щит, пробитый в трёх местах. Продавец показывал покупателю длинную металлическую иглу, которая без усилия проходила в отверстия. Затем достал похожую иглу, изогнутую на конце, и принялся объяснять разницу. Покупатель нахмурился, забрал свой мешок и ушёл.

Тир прыснул со смеху, показал на целую иглу и потёр большой палец об указательный. Дороже. Потом указал на согнутую и приложил ладонь к горлу.

Глеб отошёл от стола. Всё здесь продавали с весёлыми лицами, а ошибку в выборе могли обнаружить уже на рубеже.

У соседнего ряда пожилой мастер давал людям заглянуть в коробку с чёрными кристаллами. Над каждым был нарисован отдельный знак. Глеб вспомнил шкаф Мары и то, как она не открывала две ячейки одновременно.

Он показал Тиру на знаки. Разведчик кивнул, взял со стола пустую дощечку и нарисовал две фигуры по разные стороны стены. Одна с круглым щитом, другая с треугольным. Затем перечеркнул линию между ними.

Не смешивать.

Глеб вернулся к Маре с этим рисунком.

— Тир правильно объяснил?

Она посмотрела на дощечку и протянула руку к переводчику.

— Для начала — правильно. Предметы разных войск могут мешать друг другу. Или принять владельца за противника. Зависит от того, какие знаки и связи внутри.

— Зарубка тоже?

— Именно поэтому я подбирала к ней крепление сама. У тебя пока один заряженный предмет. Когда станет два, сначала принесёшь оба ко мне.

Глеб кивнул и перевернул дощечку, чтобы сохранить рисунок. Не всё, что он узнавал, делало его увереннее. Зато теперь было понятно, почему охотники не набирают на себя столько магии, сколько могут унести.

— Это твой найденыш?

Рядом со столом стояла женщина в светлой куртке. Волосы были стянуты назад узкой серой лентой. Такая же лента обвивала рукоять короткого оружия у неё на поясе.

Она смотрела на Глеба с открытым любопытством. За её плечом стояли двое молодых мужчин с одинаковыми сумками; один жевал хлеб, другой придерживал длинный чехол.

Мара ответила ещё до того, как Глеб успел повернуться к Эде:

— Наш помощник.

— Уже лучше. Найденышей обычно кормят, а помощникам иногда платят.

Эда подошла к столу.

— Астра, это Глеб. Глеб, Астра Келл. «Серая лента».

Астра протянула руку. Он пожал её правой, стараясь не дёрнуть больное плечо. Рукопожатие было коротким, твёрдым.

— Мне рассказывали, ты вытащил Тира из провала.

— Он потом помог вытащить меня из поста.

— Хорошо. Значит, счёт не станет поводом для ссоры.

Тир что-то вставил. Астра усмехнулась.

— Он считает, что его жизнь дороже твоей верёвки. Тут ему трудно возразить.

— Я и не собирался выставлять счёт.

— Тогда возражу я. Люди, которые не считают расход, потом вдруг обнаруживают, что больше не могут никого спасти.

Она произнесла это легко, без наставительного тона. Эда посмотрела на неё и чуть повела плечом.

— Своим тоже читаешь это перед завтраком?

— Своим после. До завтрака они плохо воспринимают речь.

Один из её спутников поднял недоеденный хлеб, подтверждая.

Астра взяла рисунок Тира, перевернула и вернула Глебу.

— Тебя чему-то уже учат?

— Не мешать тому, кто прикрывает.

— Хорошее начало. В некоторых отрядах с него заканчивают.

Эда кивнула на подиум.

— Ты сегодня выходишь?

— Если Рес не решил, что у него слишком важные дела.

Из толпы донёсся низкий мужской голос:

— Решил. Но твои люди перекрыли лестницу.

Астра обернулась. К столу подошёл мужчина с коротко подстриженными волосами и широким шрамом у нижнего края челюсти. На его тёмной одежде не было ни лент, ни полосок, только плоская металлическая застёжка у горла. Он держался спокойно, даже несколько лениво. Глебу знакомо было это спокойствие: люди, которые действительно умеют работать в опасном месте, редко показывают готовность каждую секунду.

— Рес Марнен, — сказала Эда Глебу.

Рес посмотрел на повязку.

— Новичок?

— Помощник, — снова поправила Мара.

— Тогда не проси показать красивый приём. Самые полезные выглядят скучно.

Он сказал это Глебу, без насмешки. Затем обратился к Астре:

— Один проход. До трёх чистых касаний. Предметы как договаривались.

— И без твоего последнего фокуса.

— Ты его уже видела.

— Судья ещё нет.

Они ушли к подиуму. Глеб посмотрел на Эду.

— Вы хорошо их знаете?

— Достаточно, чтобы не мешать.

Она вернула переводчик Маре и пошла за ними. Та отсоединила предмет от общей рамки, проверила точку на боку и вздохнула.

— Смотреть будем с края. Через каждые два вопроса делай перерыв.

На подиуме уже поставили две стойки. Между ними натянули белую ленту, обозначив участок боя. Судья проверил оружие участников: короткие тренировочные клинки с округлёнными концами. Затем взял у Астры маленькую пластину с пояса и у Реса широкий браслет. Осмотрел, вернул, объявил что-то собравшимся.

— Предметы защиты, — перевела Мара, касаясь запястья Глеба. — Оба разрешены. Удары по голове не засчитывают, намеренные запрещены. Вышел за ленту — касание противнику.

— Пластина у неё как моя?

— Сильнее. И работает иначе. Всё. Теперь смотри.

Астра встала боком. Рес держал клинок ниже, остриём к полу. Судья поднял руку.

Глеб ждал быстрого столкновения. Вместо этого оба почти минуту двигались по краям настила, проверяя расстояние. Рес сделал полшага, Астра сместилась. Он снова опустил клинок.

Тир рядом с Глебом перестал жевать.

Первый удар пришёл, когда Рес будто бы начал отходить. Его рука поднялась снизу, клинок скользнул к боку Астры. На её поясе вспыхнул белый свет. Она повернулась навстречу, отбила оружие и шагнула ближе.

Клинки звякнули дважды. Рес вышел из сближения, держа свободную руку перед собой. На широком браслете мелькнуло жёлтое пятно.

Глеб пропустил момент касания. Судья остановил бой и указал на Реса. У него под рёбрами на куртке осталась полоска мела.

Астра вернулась на исходное место.

Рес кивнул, будто подтверждал замечание коллеги.

Во второй раз он пошёл вперёд без обманного отхода. Глеб увидел, как Астра подняла клинок, и решил, что она успевает. Но Рес изменил направление почти у самой защиты. Браслет вспыхнул, её оружие отскочило, а его коснулось светлой куртки.

Они разошлись. Судья отметил касание.

— Защита не везде одинаковая, — тихо сказала Мара.

Глеб посмотрел на Астру. Та держала лицо спокойно, но изменившееся положение ног было заметно даже ему.

Теперь она сама выбрала сближение. Сначала один короткий удар, затем второй. Рес отступал к стойке, отбивая их, и каждый раз жёлтый свет на браслете появлялся с другой стороны кисти.

Астра остановилась перед самой лентой.

Глеб подумал, что Рес сейчас прижмёт её к краю. Но она резко сместилась, и ему пришлось развернуться. Его нога оказалась рядом со стойкой; ещё шаг назад был невозможен без выхода за границу.

Он поставил клинок перед собой.

Астра ударила по нему. Вторая атака пошла ниже, к бедру. Рес встретил её браслетом, прикрывая бок, и в этот момент её свободная рука толкнула его плечо.

Он ступил за ленту.

Тир хлопнул ладонями. Астра отошла, не поднимая оружие, и дождалась решения судьи. Тот указал на Реса, потом на внешнюю сторону ленты.

Рес провёл рукой по лицу. Что-то сказал Астре. Она ответила, и люди вокруг рассмеялись.

— Он спросил, покупала ли она стойку вместе с защитой, — перевела Мара. — Она сказала: стойку ему дали бесплатно.

Глеб усмехнулся, но не отвёл глаз от настила. Место, на которое все смотрели с первых секунд, внезапно стало частью оружия. Рес это тоже понимал — иначе не сердился бы так мало.

Последний обмен был коротким.

Рес попытался обойти Астру слева. Она позволила ему сделать первый шаг, потом второй, развернулась и встретила клинок своим. Белая пластина у пояса вспыхнула ярко. На жёлтом браслете одновременно потемнел край.

Астра коснулась его предплечья.

Судья поднял руку.

Три касания против одного. Астра убрала оружие и протянула ладонь. Рес пожал её, забрал у судьи дощечку и сошёл с настила.

Глеб смотрел на маленький тёмный след на браслете.

— Она заставила его потратить защиту?

Мара повернула голову.

— Часть. Он слишком долго держал одну сторону открытой. Но потом ещё нужно попасть. Если ты сделаешь то же самое, получишь удар раньше, чем что-нибудь разрядится.

— Я пока сделаю то же самое только в блокноте.

Она отпустила его руку.

После боя Астра подошла к их столу за водой. Один из её спутников с чехлом протянул полотенце. Она вытерла лицо, заметила рисунок настила в блокноте Глеба и наклонилась.

Мара взяла его за запястье, позволяя услышать вопрос.

— Что увидел?

— Вы загнали его к стойке. А потом заставили закрывать тот бок, который вам был нужен.

— Не совсем. Стойку он видел. Хотел заставить меня идти туда, где сам мог оттолкнуться и изменить направление. Я просто остановилась раньше, чем он рассчитывал.

Она взяла карандаш, отметила место своего шага и вернула его.

— Хороший противник редко идёт туда, куда ты ведёшь, по глупости. Обычно у него тоже есть план.

— А последнее касание?

— Он торопился. Это бывает даже с Ресом.

Сам Рес появился рядом, застёгивая браслет.

— Особенно когда судья говорит, что у него остались другие дела.

Он посмотрел на рисунок.

— Не учись только на результате. Она сегодня выиграла. В прошлом месяце счёт был другим.

— Я видел, — сказала Эда.

Рес кивнул ей и больше спорить не стал. У стола его ждал человек в дорожном плаще. Они коротко поговорили, после чего Рес ушёл к воротам.

Глеб проводил его взглядом.

— Он охотник?

— Полевой командир, — ответила Эда. — Сейчас работает на одного человека. Ездит с его людьми, держит маршруты, прикрывает то, за что платят.

— С вами не ходит?

— Нет.

Она сказала это без объяснений. Глеб не стал просить ещё. За день он увидел достаточно, чтобы понять: привычные слова здесь обозначали не вполне привычную работу.

К вечеру во дворе поставили длинные скамьи. Люди садились рядом с теми, с кем утром спорили о цене. Кто-то показывал новое крепление, кто-то вспоминал неудачный переход. На подиуме молодые охотники состязались с деревянным оружием. Их движения были резче, шумнее, и теперь Глеб замечал, сколько лишнего они делают.

На один поединок он посмотрел слишком внимательно. Новичок со светлым щитом каждый раз прикрывал одну и ту же сторону. После третьей попытки его противник шагнул дальше обычного и коснулся открытого бока. Всё оказалось понятно уже после удара.

Бор стоял рядом. Увидев, как Глеб потянулся к ремню Зарубки, покачал головой и указал на ученика на подиуме.

Дорогая защита не закрывала ошибку автоматически.

Возвращаясь во двор, Глеб шёл медленнее остальных. Колено устало, но мысли всё ещё были на настиле. Он видел людей, которые превращали шаг, поворот и кусок металла в нечто точное, работающее. Ни один не становился сильнее от громких слов или хорошей позы.

Тир заметил, что он отстаёт, вернулся и протянул кусок хлеба. На этот раз целый.

Глеб взял его.

— Учиться, — сказал он на местном языке и показал рукой короткий удар.

Тир кивнул. Указал на колено, затем на завтрашнее солнце над крышей, потом на груды камней во дворе.

Сначала поправиться. Потом заниматься.

Глеб попытался сказать «завтра», перепутал слово и произнёс «дорого». Тир посмотрел на Зарубку, на его пустой пояс и согласился с таким уточнением.

Глава 7. Большая добыча

Утром Эда попросила у Глеба временный жетон.

Он снял его с шеи и положил на стол. Капитан посмотрела на выжженную отметку, достала свою дощечку и жестом предложила идти. Мара стояла возле калитки с переводчиком; значит, обычным объяснением на пальцах сегодня не обойтись.

— Срок заканчивается завтра, — сказала она. — Капитан продлит поручительство, если ты остаёшься работать.

— Остаюсь.

— Сейчас ответишь ещё раз писарю. Это нужно от тебя, а не от нас.

Глеб взял куртку. В чистой рубахе на городском ветру было прохладно. В боковом кармане больше не лежало ничего незнакомого; карабин-образец он оставил в комнате, завернув в выданную Марой ткань.

У боковой двери Гильдии стояла очередь. Вчера здесь принимали отряды на встречу, сегодня люди приносили бумаги, мешки и предметы в закрытых ящиках. Один охотник держал пустой рукав куртки перекинутым через плечо. Он спорил с писарем громче остальных, тыча пальцем в маленькую дощечку.

Эда остановилась за ним и ждала, не вмешиваясь.

Когда дошла их очередь, она положила перед писарем свой знак и жетон Глеба. Мара взяла его за руку.

— Поручительство продлевается на тридцать дней, — перевела она. — Оплачиваемая работа при отряде. Ты принимаешь условия добровольно?

— Да.

— Тебе известен предел ответственности капитана?

Глеб посмотрел на Эду. Та указала на него, потом на свой знак.

— Она отвечает за сведения, с которыми меня принимает город, — сказал он. — И за мои действия в составе отряда. Я не выхожу на рубеж сам, пока пользуюсь её поручительством.

Писарь выслушал перевод, сделал отметку и задал новый вопрос.

— Если прекращаешь работу, сообщаем об этом сюда. Если меняешь место проживания, тоже. Понятно?

Глеб подтвердил. Теперь в книге оставили место для его знака. Он написал имя по-русски. Писарь внимательно посмотрел на буквы, потом добавил рядом местную запись.

Новый жетон был таким же деревянным, только с другой отметкой. Глеб подержал его на ладони. Месяц в чужом городе. Почти настоящее будущее, если не думать слишком далеко.

У выхода Эду окликнули.

Человек в длинном сером жилете протянул ей свёрнутый лист. Она развернула его, пробежала глазами и подняла голову. Мара заглянула через плечо.

— Сегодня, — сказала она.

Только это слово Глеб понял без предмета.

Эда сложила лист, ответила человеку и повела их не к калитке, а через внутренний двор.

В зале пахло свечами и свежим деревом. Несколько длинных столов сдвинули к стенам, оставив середину свободной. На высокой подставке лежала большая карта. За ней стоял худощавый человек в тёмном кафтане с широкой белой полосой на груди.

У окна Глеб увидел Астру. Та разговаривала с двумя капитанами. Тир уже сидел на подоконнике, держа под мышкой свёрток. Когда они вошли, спрыгнул и подошёл к Эде.

Он говорил быстро, показывая на карту и на человека в кафтане. Капитан слушала, но лицо у неё становилось всё менее довольным.

Мара нашла свободное место у стола. Положила переводчик, подключила его к настенной рамке и предложила Глебу сесть. Чтобы слышать, ему снова пришлось держать кисть рядом с предметом.

В зале было около двадцати человек. Никто не пришёл в праздничной одежде. На некоторых ещё оставались вчерашние металлические полоски и ленты, но теперь их почти не было видно под дорожными куртками.

Человек в кафтане дождался тишины.

— Совет трактов подтверждает заказ на безопасное прекращение боевых действий в центральном секторе Сивого перевала. Вознаграждение — четырнадцать тысяч золотых марок.

Тир перестал вертеть свёрток.

Глеб услышал короткий смешок справа, затем скрип лавки. Несколько человек наклонились вперёд. Эда не шевельнулась.

Представитель Совета развернул карту. На ней было три широких прохода между горами. Один отмечен красным, два других — чёрным.

— Южный тракт не выдерживает нынешнего потока. Две недели назад потерял мост. Сивый путь остаётся закрытым. Совет оплачивает устранение действующего рубежа, а не один проход через него.

Капитан с густой бородой поднял руку.

— Разрушить крепость?

— Сделать путь безопасным без выброса боевой силы за установленную границу. Способ проверяет Гильдия. Обрушение стены само по себе выполнением заказа не считается.

— А кто оплатит проверку?

— Совет. Ваше снаряжение, перевозку и наёмных людей — вы сами.

Глеб посмотрел на карту. Красная полоса проходила через долину, которую он видел в первый день, но продолжалась намного дальше, к большой крепости на узком горном уступе.

Человек в кафтане указал на неё.

— До сезонного усиления потоков остаётся двадцать четыре дня. После этого подступы закроются надолго. Если работа не закончена до усиления, Совет не гарантирует сохранение срока и суммы следующего заказа.

В зале заговорили. Кто-то спросил о прежних попытках, кто-то потребовал данные по гарнизонам. Ответы были осторожными: отчёты доступны зарегистрированным отрядам, измерения внешней границы новые, сведения о центре неполные.

Астра подошла к карте.

— Награду получит первый, кто предъявит результат. Если два отряда работают вместе?

— По их письменному соглашению. Совет не разбирает ваши доли, если договор не противоречит условию безопасности.

— Добыча?

— Вывезенные предметы остаются добытчикам. Командные устройства до проверки могут быть задержаны. Их использование за пределами места находки отдельно не разрешается.

Астра кивнула и отошла.

Глеб хотел спросить, что такое командное устройство, но Мара уже подняла ладонь: после. Он закрыл рот и снова посмотрел на карту.

Обычные люди хотели возить муку и ткань через горы. Между ними и дорогой стояли солдаты, чьих командиров не было почти два века. Совет предлагал деньги тем, кто сможет закончить чужую работу.

Когда собрание закончилось, Тир подтащил стул к Эде и выложил свёрток. Внутри оказался лист с рисунками снаряжения и несколькими столбцами чисел. Эда посмотрела на него и отодвинула.

— Нет, — сказала она.

Тир начал объяснять. Мара перевела Глебу только часть:

— Он считал перевозку и запас защиты. Ещё до собрания.

— И?

— Капитан сказала нет.

Тир указал на карту, на узкий северный проход. Эда ответила резко. Он выслушал, убрал лист, но уходить не стал.

Астра подошла к ним.

— Ты берёшь отчёты?

— Нет.

— Даже не посмотришь?

— Я знаю, где стоит крепость.

Астра задержалась возле стола.

— В этот раз заказ другой. Им нужен безопасный перевал.

— Людям всегда нужен безопасный перевал. Из этого не следует, что я могу его дать.

Астра посмотрела на Мару, затем на Тира. Кивнула.

— Если передумаешь, скажи до того, как мы наймём транспорт.

— Чтобы ты успела поднять цену?

— Чтобы ты не наняла моего возчика.

Она ушла, оставив на столе копию карты. Эда хотела вернуть её, но Астра уже разговаривала с человеком у дверей.

Глеб рассматривал северный проход. На рисунке несколько участков соединялись узкими линиями. Там были обозначены развалины, высоты и что-то вроде промежуточных площадок.

— Вы были там?

Эда взяла переводчик у Мары.

— На внешнем рубеже. До центра не дошла.

— Давно?

— Достаточно давно, чтобы не считать старую карту обещанием.

Она отпустила его руку и свернула лист. Глеб понял, что разговор закончен. Не услышал причины, только увидел решение.

Из Гильдии они пошли на рынок. Эда собиралась купить новые ремни и закрыть остаток расходов после сторожевого поста. Тир держался рядом, время от времени пытаясь что-то сказать, но капитан отвечала всё короче.

Возле лавки древностей толпились люди. Хозяин вывесил новую дощечку поверх старой. На ней крупно стоял знак караванного колеса с четырьмя лучами.

Тир остановился. Прочитал, присвистнул и позвал Мару.

Она изучила дощечку, потом протянула переводчик Глебу.

— Леон Барг. Отдельная награда за центральное командное знамя Сивого рубежа. Двадцать тысяч золотых марок. Доставить неповреждённым, с действующими связями.

— Больше, чем за безопасную дорогу?

— Больше.

— Зачем ему знамя?

Ответил хозяин лавки. Он слышал разговор, а вид переводчика явно побуждал его считать Глеба хорошим слушателем.

— Потому что Барг знает цену редким предметам. И платит, когда другие только обещают.

Мара дёрнула щеку, но не перебила.

В лавке висели клинки и стояли запертые коробки. Ниже, за стеклом, лежали маленькие печати. Глеб уже научился узнавать некоторые по форме, хотя не представлял, что каждая делала.

Хозяин снял одну коробку с полки.

— Вот такими интересовались его люди. Не красивыми саблями, не щитами. Печатами подтверждения, старым правом доступа. Тут нужна голова, а не только сильная спина.

— Которые у тебя ни к чему не подходят, — сказала Мара.

Хозяин обиделся.

— Эта подходит к восточному складу. Я даю запись проверки.

— Восточный склад разобрали тридцать лет назад.

— Зато сама печать цела.

Эда положила руку на плечо Тира и повела его дальше. Мара тоже отпустила запястье Глеба. Он ещё раз посмотрел на дощечку с колесом и пошёл за ними.

В голове оставались две суммы и одно различие. Совет платил за прекращение боя. Барг — за сохранение действующего предмета.

Во дворе Бор встретил их у колодца. Тир сразу заговорил с ним, достал свои расчёты. Крупный мужчина внимательно изучил лист, задал вопрос Эде. Та ответила, и он медленно сложил бумагу.

Глеб видел, как у Бора исчезло первое оживление. Сумма была огромной даже для него. Возможно, означала то, чего сам Глеб пока не мог представить: дом, спокойную работу, годы без копий, проходящих рядом с горлом.

За обедом никто не шутил.

Мара поставила на стол пустой переводчик. Подключать не стала. Глеб ел молча, прислушиваясь к отдельным знакомым словам. «Крепость». «Цена». «Нет». Потом Эда встала и ушла в комнату.

Тир посмотрел на Глеба и показал обеими руками что-то огромное. Развёл пальцы, приложил к груди, потом указал на калитку. Глеб понял: можно было заработать столько, чтобы уйти.

— Не всё в деньгах, — сказал он по-русски.

Тир посмотрел на пустую тарелку, на его старый ремень и явно не согласился.

После еды Глеб поднялся к себе. Развернул свой рисунок крепости, затем лист Астры, который Эда оставила на ящике возле лестницы. Сравнил обрывки внешнего рубежа. В первый день он поднялся по стене там, где солдаты не могли легко добраться до него. В сторожевом посту галерея позволила обойти закрытый выход.

На новой карте путь к центру тоже считался дорогой. Мост, ворота, двор. Всё, что охраняли армии.

Глеб взял карандаш и начал отмечать высоты.

Он не знал, можно ли пройти по северным скалам. Не видел камня, не представлял расстояний, не понимал местных знаков. Но понимал, какой вопрос задать.

Эда выслушала его вечером. Мара нехотя принесла переводчик и села рядом. Тир, увидев карту, сразу устроился на подоконнике.

— Ты хочешь пройти не по дороге? — спросила капитан.

— Сначала хочу узнать, почему там нельзя. Есть обрыв, плохой камень, магия? Или просто все идут через ворота?

Эда положила палец на северный край.

— Здесь галереи старых дозорных. Часть упала. На скалах есть стражи. Дальше отрезок, который никто из моих людей не проверял.

— Тогда это задача для разведки. Не обещание пройти.

— Разведка тоже стоит денег. И людей.

— Я знаю.

— Ты знаешь цену одного плохого дня. Это начало, но не всё.

Глеб посмотрел на её руку. Палец всё ещё лежал на карте, закрывая место соединения двух троп.

— Почему вы даже отчёты не берёте?

Эда отвела руку.

— Потому что умею остановиться до того, как деньги начнут говорить вместо меня.

Мара не смотрела на капитана. Рассматривала свой переводчик, как будто проверяла, достаточно ли заряда для следующего ответа.

Глеб почувствовал, что может испортить разговор одним неверным нажимом. Он не имел права требовать похода от людей, которые вытаскивали его уже дважды.

— Тогда можно взять отчёты ради меня? Там записи о старых устройствах. Возможно, о переходах. Я не прошу завтра вести меня в крепость.

— Барг тоже покупает старые устройства ради знаний, — сказала Мара. — По крайней мере, так говорят его люди.

— Я не Барг. И двадцати тысяч у меня нет.

Тир коротко засмеялся. Мара перевела ему ответ, и он показал большой палец.

Эда посмотрела на Глеба.

— Если отчёты покажут, что пройти нельзя, примешь это?

— Если пойму причину — да.

— А если причина будет в тебе?

Он задержался с ответом. Капитан заметила это.

— Вчера ты видел Реса и Астру. Они годами делают то, чему ты собираешься научиться за несколько дней. Сивый рубеж не станет слабее, потому что тебе интересно.

— Я не собираюсь драться с Ресом.

— Ты пока не знаешь, с кем придётся.

В комнате стало тихо. Во дворе кто-то поставил ведро, плеснула вода.

Глеб убрал карандаш.

— Тогда сначала проверьте меня. На небольшом участке. С Тиром, с вашими условиями. Не пройду — буду работать во дворе и учиться дальше. Пройду — посмотрим отчёты и обсудим маршрут.

Тир слез с подоконника. Сказал несколько слов Эде. Она ответила, он кивнул, не улыбаясь.

Мара посмотрела на Глеба иначе, чем утром у торговца.

— Без боя, — сказала она. — Проверять будут не твою смелость. Умение замечать знаки и вернуться, когда нужно.

— Согласен.

Эда достала из ящика старую карту внешнего рубежа. Развернула рядом с листом Астры. На ней было куда больше отметок, а северный участок перечёркивали две широкие линии.

— Завтра получишь маршрут. Сначала выучишь его здесь. Пока колено не позволит ходить нормально, никуда не идёте.

— Хорошо.

— И я не обещаю большой поход. Обещаю рассмотреть его, если будут основания.

Глеб кивнул.

Тир пододвинул ему чистый лист и перевернул карандаш остриём вперёд.

Эда прижала ладонью северный край старой карты. Вторая рука на мгновение легла поверх первой, как будто она не хотела, чтобы лист свернулся. Затем капитан убрала обе.

— Начинай с того, где ты остановишься, — сказала она. — Не с того, куда хочешь дойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.